

Екатерина
Болдинова

По-настоящему

Екатерина Болдинова

По-настоящему

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641297

По-настоящему: Повесть/ Болдинова Е. : Аквилегия-М; Москва; 2015

ISBN 978-5-905730-74-0

Аннотация

Жизнь Марины похожа на остросюжетный роман. Её родители – следователи, и за семьёй идёт постоянная охота. Брат, пережив утрату любимой девушки, уехал в Чечню, а лучшие подруги то и дело попадают во всякие переплёты. А ещё впереди выпускные экзамены, и Марина никак не может решить, куда поступать. И главное – она влюблена. По-настоящему...

Для старшего школьного возраста.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Екатерина Болдинова

По-настоящему

Мы переезжаем на новую квартиру. Обычная в таких случаях суматоха – коробки, в которых никак не найти самой необходимой вещи, сдвинутые набок шкафы и тумбочки, постоянные разъезды туда-сюда и визиты бывших хозяев – то зонтик забыли, то пакет с продуктами... Да мало ли сколько всего связано с переездом! Но самое страшное начинается потом – когда надо расставить вещи, привести новый дом в порядок, отремонтировать случайно порванные провода, переклеить обои, побелить потолки... Приступы необыкновенной работоспособности и энергии сменяются тяжелейшими минутами полной апатии, когда ничего не хочется делать и любая попытка окружающих втянуть тебя в круговорот домашней работы расценивается как предательство. Привычный уклад жизни надолго ломается, и восстановить его может только окончание ремонтно-перестановочных работ в новой квартире.

К счастью (а может, и к сожалению), переезжать с места на место мне доводилось нечасто. Последний раз я поддалась на подобную авантюру прошлой весной, когда мы с мужем решили отделиться от родителей. Спустя месяц после свадьбы мы поняли, что постоянная опека с их стороны вряд ли поможет нам свить собственное гнездо. Почти два месяца искали подходящий вариант. И вот наконец в самом начале марта переезд состоялся. Мы с мужем оказались в уютной трёхкомнатной квартирке недалеко от залива, а его родители остались в почти таких же «апартаментах», но в другом микрорайоне. Муж хорошо зарабатывал, и мы решили сразу взять ипотеку на большую квартиру, чтобы потом, когда появятся дети, не искать новые варианты. Квартира была в старом «прокурорском» доме. Хозяев мы так и не увидели, договор подписывался их представителем по доверенности. Помнится, в день подписания документов мы ужасно нервничали... Впрочем, разговор не об этом. Если мне когда-нибудь захочется рассказать о первых месяцах своего замужества, я, пожалуй, напишу ещё одну книгу...

В новой квартире мой блаженный решил сменить всё, что можно было менять. Начали мы с линолеума. И, отдирая плитусы, наткнулись на тайничок в полу. В самой маленькой комнате кусок линолеума был аккуратно вырезан и вложен на место, причём так, что из-за рисунка линолеума тайник вообще не был замечен. «Наверное, это клад!» – пошутил муж. Клада, понятное дело, не оказалось. В тайнике была лишь толстенная линованная тетрадь, тщательно завернутая в газетную бумагу. На первой странице красивым почерком было выведено: «Мой дневник. Посторонних прошу не беспокоить».

Я удивилась. Была шокирована. В эпоху Твиттера, ЖЖ и Фейсбука очень сложно представить, чтобы кто-то всерьёз мог вести дневник. Писать в нём – много, страстно, почти каждый день, какими-то смешными ручками – разноцветными, гелевыми... Потом увидела даты: 1999 год, 2000-й... Да, тогда молодёжь ещё не так много сидела в интернете. Может быть, даже именно тогда она больше жила настоящей жизнью, а не количеством «лайков» на своих электронных страничках...

Я села читать и пропала на несколько часов, пока не перевернула последнюю страницу. Этот дневник мог бы дать фору некоторым романам. С той лишь разницей, что в романах события зачастую притянуты за уши, а здесь всё как в жизни, не всегда красиво и правильно, но зато – по-настоящему.

31 августа 1999 года

Завтра первое сентября. Подумать только: моё последнее первое сентября в школе! Интересно, как буду я себя чувствовать на следующий год, когда вместо привычной дороги в «родную тридцать вторую» меня будет ждать неизвестность?.. От этого года столько всего зависит! Как я окончу школу, поступлю ли в вуз. Ах, как мне не хочется думать обо всём этом!

С ума сойти, как быстро пролетели эти десять лет! Сегодня мне попался в руки альбом с моими старыми школьными фотографиями. Сажу и перебираю их уже битый час. Вот мой первый класс – 1«Б». Милое доброе лицо Анны Тимофеевны, праздничные улыбки учителей, белые бантики, парадная школьная форма, цветы, целое море цветов... А вот я уже в пятом классе – две смешные косички с голубыми ленточками, светло-синий плащ (помню, я была такая гордая, когда мне его купили!), весёлая улыбка. Как бежит время... Знаешь, дневничок, я так часто жалею, что уже не ребёнок. Ведь детям намного проще живётся на свете. Я и сама точно не знаю, кто я сейчас – вроде бы уже не подросток, но ещё и не совсем девушка. Или всё-таки «совсем»?..

1 сентября 1999 года

Как всё это странно! Неужели правда такой день у меня в последний раз в жизни? Не верю. Этого просто не может быть...

За лето школа как будто стала меньше. То ли я выросла, то ли потолки сами опустились... И всё по-прежнему. Татьяна Мироновна такая же неугомонная, да и класс мой ничуть не изменился. Разве что некоторые личности стали ещё тупее... И Татьяна – наша вечная активистка, как всегда, в своём репертуаре. Как известно, День знаний в моей школе проходит под девизом: «Никаких знаний!» Поэтому после классного часа и раздачи учебников все разбежались кто куда (больше с Татьяной – в направлении её дома). Мы с Натой пошли ко мне. Славно так посидели, попили чаю, посмотрели кассету – Димка снимал торжественную линейку на камеру. Вот, собственно, и всё.

4 сентября 1999 года

Я просто разрываюсь. Не знаю, что мне делать. Родители поругались – да как! Папа ушёл. Теперь он живёт на работе, и неизвестно, вернётся ли домой. Мне страшно. Их ссора продолжается уже третий день. Я даже не хочу о ней писать – это было так глупо, нелепо и так противно. И – я никогда не слышала от моего отца таких слов. Он не имел права говорить маме *такое*. Я попыталась вмешаться – и только по носу получила. Как они ругались! Какие слова кричали друг другу в лицо! А мама плакала. Когда папа ушёл, она заперлась в своей комнате с пачкой сигарет. И плакала. Я точно знаю, хотя не видела ни слезинки. Такая ужу меня мама. Сильная.

И как назло Димка ещё первого сентября уехал в командировку... Скорее бы он вернулся! Вместе мы точно что-нибудь придумаем!

5 сентября 1999 года

В расстроенных чувствах. Иначе и не скажешь. Просто плохо. Хочется кричать до хрипоты, хочется раствориться, исчезнуть, перестать чувствовать. Насовсем. Навсегда. Сажу в наушниках, слушаю музыку. Инструментал. Ни слова, но как много смысла...

...Ну сколько же можно? Они разводятся, стабильно разводятся раз в год, сколько я себя помню. Ругаются, мирятся, мама твёрдым голосом произносит: «Риша, я с твоим отцом буду разводиться», отец хлопает дверью, обегает микрорайон, возвращается с цветами, они мирятся... Для меня это уже обычное явление. Но *так* они ещё не ругались на моей памяти никогда. И главное, я даже понять не могу, из-за чего. Сидели на кухне, спорили о политике, папа сказал что-то злое о правительстве, о президенте, мама возразила, и – понеслось...

Всё равно я точно знаю – они помирятся. Если не сегодня и не завтра, то через неделю. Они не могут жить друг без друга. И даже без этих вечных ссор. Наверное, это просто какая-то странная разновидность любви: каждый раз проверять друг друга на прочность и радоваться потом, что очередная проверка пройдена...

...Хотела бы я жить так? Нет. Хотела бы любить так, как они? Так сильно и страстно после 25 лет брака? Наверное, да...

7 сентября 1999 года

Сегодня днём, когда мамы не было дома, позвонил Димка. Я не сказала ему, что родители уже неделю в ссоре. Зачем расстраивать?

А потом совершенно неожиданно пришёл папа. Он соскучился по мне, по маме, по брату. Сказал, что вёл себя глупо и будет просить у мамы прощения. Мы с ним разговаривали, наверное, часа два. Потом папа побежал в магазин за цветами для мамы, а я поставила на плиту ужин. Постелила на стол скатерть, достала свечи... И потихоньку сбежала в школу – делать задание по информатике. Пришла поздно, часов в восемь. Меня встретили счастливые лица родителей. До сих пор не верится, что жизнь снова возвращается в свою колею...

8 сентября 1999 года

Знаешь, дружок, вообще-то, я считаю, что спать после обеда глупо. Так и вся жизнь мимо пройдёт. Если уж я ложусь в постель днём – это значит, что я заболела. Или не выспалась. Как сегодня. Писала сочинение до трёх часов ночи. Самое весёлое, что кроме меня его написали только три человека. Татьяна Мироновна уже выставила в журнал свеженькую колонку единиц, пригрозив, что через два дня они превратятся в двойки. А мне, если честно, стало немного обидно. Ну правда, это ведь нечестно, что стараются всегда одни и те же, а пятёрки получают в итоге практически все. Вообще, дурацкая эта система оценок... Ведь они не показывают реальных знаний. И разве это нормально, что, собираясь поступать на юридический, я должна часами учить физику и химию? Да ещё на олимпиады ходить. Дурость какая-то...

Наверное, я слишком много пишу о школе. Как-то побаиваюсь пока писать о своих чувствах – а вдруг кто-нибудь прочитает? Хотя вряд ли. Папа никогда не станет этого делать, даже если открытый дневник будет лежать у меня на столе. Мама, может, и почитала бы, но она даже не знает о твоём существовании, дневничок. А Димка и так всё про меня знает. На то он и старший брат. Так что не буду стесняться. Зачем?

В общем, дневничок, я хочу кое в чём тебе признаться. Понимаешь, у меня никогда не было парня. Я даже ни разу не была влюблена. Каждой весной начинаю ждать чуда. Думаю: если не сейчас, то когда? И – не влюбляюсь. Не в кого. Я почти уверена, что ребята меня побаиваются. Ещё бы, отличница, такая правильная... А мне это правильность уже надоела хуже горькой редьки.

Родители считают, что поводов для беспокойства нет и что у меня обязательно будут «мальчики», как говорит мама. Но мне скоро семнадцать, а ничего не меняется...

Откровенно говоря, я немного боюсь, что, когда мне наконец-то встретится тот самый единственный и неповторимый «принц на белом коне», я не буду знать, как себя с ним вести. Или на него обрушится такой поток любви и нежности, что бедный парень сбежит на край света, испугавшись таких диких проявлений чувств. Грустно. Приходится утешать себя учёбой и с неимоверным рвением грызть какую-нибудь электродинамику. Хотя физику и химию я терпеть не могу.

О да! Димка вернулся! Наконец-то! Иногда я начинаю жалеть, что он мой брат. Представляю, каким бы классным парнем он был... Стоп, я начинаю писать глупости. Прихожу сегодня домой, чувствую, что-то изменилось. Сумка в углу стоит. В ванной влажно. И полотенце Димкино мокрое. А на моём столе записка:

(Записка приклеена тут же, на странице. Это клочок клетчатой бумаги, исписанный небрежным, но твёрдым почерком, тёмно-синей ручкой).

«Сестрёнка! Как видишь, я вернулся. Сейчас съезжу на работу, а вечером мы с тобой поделимся новостями. Мороженое в холодильнике – чур, без меня не есть! На завтра купил билеты на концерт «Иванушек» – я этого не вынесу, а Маше они почему-то нравятся... Спасёшь меня? Салют, Ришка!»

Ришка – это я. Так меня называют дома. Ещё иногда – Риша, Мариша и Марыся... Звучит как-то по-детски задорно. Уж точно лучше, чем моё суперсерьёзное имя Марина... А брат у меня замечательный. И... эх, он собирается жениться. Правда, родители пока ещё ничего не знают. Надо видеть, как красиво брат ухаживает за своей девушкой. Меня даже зависть берёт. Наверняка он сначала к ней поехал, а уж потом на работу... Насколько я знаю, она ещё студентка. Кажется, четвёртый курс... И тоже юридический факультет. Я с ней совсем недавно познакомилась. Славная такая девушка... Добрая, нежная, женственная – такой не жалко отдавать любимого брата...

9 сентября 1999 года

Ну вот, сходили на концерт. Дима, я и Маша. В общем-то, я никогда не пребывала в заблуждении относительно нашей эстрады. Но, честно говоря, мне понравилось. Особенно песня «Младшая сестрёнка». Конечно, это так глупо, но весь концерт меня преследовало ощущение, что каждая из этих песен поётся лично для меня. Бывает же такое. Хотя одно я знаю наверняка: завтра утром я проснусь и забуду об этом. Забуду глаза Андрея, в которых чуть не утонула, когда он пробежал по залу – совсем рядом с мной... Забуду, потому что понимаю: не нужно создавать себе кумира и влюбляться в тех, кого считают звёздами. И даже не потому, что они звёзды и так недосыгаемо далеки от простых смертных. Просто, мне кажется, это ненормально, когда девчонки моего возраста сходят с ума по людям, которых они совсем не знают. Нет, правда: то, как ведут себя те же «Иванушки» в клипах, на концертах, в интервью – это одно, а вот какие они в жизни – совсем другое...

Да! Мне так понравилась Маша. Она, оказывается, учится только на третьем курсе... Дима рассказывал, что они познакомились, когда он чуть не сшиб её с ног в коридоре института. Он устраивался на работу и заезжал в деканат за характеристикой. Очень торопился и, естественно, не особо смотрел по сторонам. В итоге – лобовое столкновение с будущей

невестой. И я понимаю, почему брат влюбился в Машу. Она такая нежная, романтичная и мечтательная... В ней есть что-то по-детски беззащитное. И в тоже время от Маши исходит какая-то внутренняя сила. Не знаю даже, как это выразить словами, просто чувствую. Может быть, потому, что у неё нет родителей и ей приходится всего добиваться самой... Я бы очень хотела быть похожей на Диминову невесту. Хоть самую малость...

10 сентября 1999 года

Ох, дневничок, уже почти двенадцать часов ночи. Я так устала. Но решила написать хоть несколько строк. Просто так. Ни о чём... Или – о чём? Жизнь идёт. Мои учителя, как могут, пытаются её разнообразить. И у них, надо сказать, неплохо получается... Нет, честное слово, приятно в самом начале учебного года узнать, что именно тебе, а не кому-то другому «выпала честь» написать доклад на областную научную конференцию... С одной стороны, может, это и неплохо... Вдруг возьмут в институт без экзаменов? Но, опять же, я ведь не собираюсь на исторический факультет! Ни под каким соусом!!! И вообще, я ненавижу научные работы, конференции, проекты-проспекты... Всё это никакой реальной пользы не приносит. Так, одна болтология...

Вот. А вообще, в школе пока интересного мало. Только уроки. Оля всё ещё не приехала из Москвы... Как же я по ней скучаю! Я звонила её маме, Ирине Петровне. Та сказала, что Ольга только завтра вылетает... Значит, в школе будет не раньше понедельника... Но я-то, конечно, увижу её куда раньше.

У меня ведь всего две подруги – Ольга и Наташа. Но с Наталкой мы учимся в разных классах. А когда-то сидели за одной партой... Девять лет. Раньше у меня была ещё одна подруга, Юлия. Это была такая детская дружба – совместные прогулки, игры в куклы... Сейчас мы почти не общаемся. Видимо, наша дружба закончилась вместе с детством – мы просто ни с того ни с сего отошли друг от друга и теперь едва здороваемся при встрече. Правда, была у нас и одна ссора, причём странная такая, из-за какой-то ерунды. Обижались друг на друга, дулись, и как-то незаметно наше общение сошло на нет. И мне кажется, это значит, что мы с Юлей просто играли вместе, как часто играют дети, но друзьями настоящими не были. Потому что ни одна обида не может разрушить истинной дружбы... Ведь с Наташей и с Ольгой мы ссорились и мирились бессчётное количество раз – и ничего. Даже когда я перешла в другой класс, Наташа осталась со мной. Я ценю это и знаю, что она никогда меня не предаст...

12 сентября 1999 года

Димка сегодня «официально» сообщил родителям, что женится на Маше. Как ни странно, они обрадовались. Мама мне как-то говорила, что ей очень нравится Димкина девушка... Да и вообще, Дима ведь не мальчик-студент, который собирается сидеть на шее у родителей. Ему двадцать четыре, он работает, живёт, можно сказать, отдельно. Когда Димка окончил институт и устроился в РУБОП, он стал снимать квартиру. Говорил, что не хочет стеснять маму и папу. Но его квартирка находится в соседнем подъезде, а Димка по-прежнему шесть дней из семи живёт дома, то есть с нами. Думаю, что свадьба будет в конце октября. Так странно... Мой брат – и вдруг станет мужем (а потом и отцом!). Я ему в шутку сказала, что надеюсь стать тётей как можно скорее. И всё-таки никак не могу поверить. Наверное, я ужасная эгоистка...

14 сентября 1999 года

Как известно, школа не может позволить ученикам пожить спокойно даже несколько дней. Уже через неделю начинается Декада литературы.

Значит, надо делать стенгазету. И, более того, ответственной назначили меня. Представляешь, дневничок, как я «рада»! Хотела было возмутиться, но решила не лезть в бутылку. Так и быть, сделаю. К счастью, это последняя стенгазета по литературе, над которой нам предстоит работать. Правда, мне жутко не нравится тема. Дело в том, что Татьяна Мионовна (наша классная дама и учитель литературы в одном лице) заболела, и заменяет её теперь Лариса Ивановна (если честно, гримза, каких поискать), которая чуть ли не приказным тоном заявила: «Газета будет о Пушкине!» Я разозлилась. Да сколько можно?! Ну конечно, я понимаю и признаю, что Пушкин – гениальнейший поэт, что второго такого не будет никогда и т. д. и т. п., но я *не* хочу *опять* писать о нём. Каждый год – одно и то же. И не надоело им? В итоге мы (то есть Марьяна, Оля и Юлька – те, на кого возложена столь почётная обязанность) составили маленький заговор. И стенгазету посвятим Цветаевой. В конце концов, она же не запрещена! Я уже начала писать эссе и отобрала несколько стихотворений, которые мы поместим в газету.

Ах да! Оля приехала! Сегодня она даже в школе была. Я так рада, что она наконец-то вернулась! Здорово сидеть за одной партой, играть в крестики-нолики на скучных уроках (типа физики) и просто болтать, бегать к Наташке на переменах и втроём обедать в школьной столовой... Правда, сразу после уроков за Олей зашёл её парень – Эдуард.

Ольга зовёт его Дик. Они дружат ещё с весны. Он очень симпатичный: светлые волосы, серые глаза... Высокий. И учится в институте – на первом курсе. Когда Ольга гостила у сестры в Москве, он чуть ли не каждый день звонил туда.

А вообще, я восхищаюсь Олей. Она всё успевает: и учится хорошо, почти без четвёрок, и танцами занимается, и на Дика ей времени хватает... Молодец! У меня так не получается... Я целыми днями учусь: делаю уроки, пишу рефераты, готовлюсь к занятиям с репетитором. Ложусь поздно, встаю рано. Так было всегда, сколько я себя помню. Я привыкла. Но это вовсе не означает, что я какая-нибудь там заучка-ботанка! Жизнь не ограничивается школой и уроками. Просто они занимают 99 % моего времени. А когда у меня появляется свободный час или два, я пишу сказки и рассказы. Конечно, в моём возрасте невозможно писать хорошо, но мне это жутко нравится! Я бы очень хотела поступить на факультет журналистики, но... надо смотреть на вещи реально – вот закончу его, и что? Куда пойти работать? Профессии «писатель» не существует. Можно писать книги, но при этом надо заниматься чем-то ещё, потому что одним «писанием» не заработаешь. И потом, даже если я и смогу написать что-то стоящее, вряд ли получится издать книгу, потому что начинающего автора не напечатают бесплатно. Вообще, глупо, что я рассуждаю об этом. Я ведь всегда хотела стать юристом.

И сейчас хочу. Только не адвокатом, не нотариусом, а кем-то вроде детектива. Не хочу сидеть на одном месте. Жизнь всего одна, и надо её прожить так, чтобы не стыдно было за бесцельно прожитые годы...

16 сентября 1999 года

В очередной раз порадовалась, что ушла из математического класса. Наташка сегодня рассказывала, что у них по расписанию в неделю получается двенадцать уроков математики: пять геометрии и семь алгебры. И ещё четыре физики. Это для меня полный кошмар. Выдержат бы те две сорокаминутен, что положены моему гуманитарному классу.

Не понимаю только одного: *зачем?* Для чего нам дают знания в таких объёмах? Я пролистала наш обычный «общеобразовательный» учебник, и мне как-то «поплохело» от этих трёхэтажных формул. А показала Димке – он вообще руками замахал, мол, «это мы не проходили». Хотя у него, между прочим, пятёрка по физике. Может быть, несколько лет назад он даже всё это знал. Но, когда я в прошлом году попросила его посмотреть мои задачки к контрольной, он честно сказал, что ничего не помнит и выбросил физику и химию из головы, как только закончил школу.

Да, есть ребята, которым эти предметы нужны. Они любят формулы, векторы, с удовольствием решают все эти задачи, поступают после школы на физико-математические факультеты. Но при чём тут остальные?

А с другой стороны, я прекрасно понимаю, что есть и те, кому литература, история, психология, иностранные языки так же малоинтересны, как мне – физика и химия. И что делать с ними? Ведь невозможно точно определить в пятом или в восьмом классе, куда пойдёт после школы конкретный ученик (если только у него нет явных способностей к какому-то предмету, но ведь это случай редкий). Поэтому нас мудро набивают знаниями на все случаи жизни. Хотя мне кажется, что физики и химии в школе слишком много. А вот история, и особенно зарубежная, даётся очень схематично. И если бы я сама не читала так много в свободное от учёбы время, то не знала бы ровным счётом ничего о Жанне Д'Арк, Фрэнсисе Дрейке и Жозефине Богарне, разве что сам факт: были такие люди и в мировой истории что-то значили.

Но вернёмся к Наташке. Она просто стонет от такого количества математики. Хорошо, что ей могут помочь папа и старшая сестра. Они все ждут, что Наташа будет поступать в Инженерностроительный институт, на факультет то ли мостостроения, то ли чего-то подобного. Хочет ли туда Ната? У неё явный талант – она играет на трёх музыкальных инструментах (гитаре, скрипке и фортепиано), прекрасно поёт. Наташин голос просто завораживает – он такой нежный, мелодичный, глубокий... Мне кажется, что она только губит свой талант этими бесконечными формулами.

Ведь я сама училась в математическом классе. Только в 10-м перешла в гуманитарный. Смешно вспомнить: сначала (а разделение на профильные классы началось у нас после пятого класса) меня не хотели брать в математический, а потом – не хотели оттуда отпускать. Ещё в шестом Нелли Петровна, наша математичка, поставила на мне клеймо «типичного гуманитария», и, стоило мне выйти к доске, всячески напоминала об этом: «Да, Марина, это пятёрка, но склад ума у тебя всё-таки не математический, тебе всегда не хватает какой-то изюминки». Было очень обидно, но я терпела: ведь этот класс считался лучшим, и меня туда с большим трудом записали родители. В восьмом я решила какую-то суперсложную задачу на школьной математической олимпиаде, меня отправили на районную, потом на городскую, и на городской я неожиданно для всех и, прежде всего, для себя заняла второе место. Нелли Петровна была в шоке, но уже не имела морального права отпускать шпильки в мой адрес. Между тем количество математических уроков увеличивалось с каждым годом, и к концу девятого класса я с ужасом поняла, что занимаюсь только алгеброй и геометрией, а нужные мне для поступления на юрфак история и литература проходят мимо. А гуманитарный класс учил ещё и латынь, риторику, стилистику... В итоге на семейном совете было решено, что я перейду туда. Классный руководитель и, по совместительству, учительница литературы с радостью согласилась меня принять, но Нелли Петровна не желала отпускать свою «олимпиадницу» (после той победы она называла меня только так). Решив, что я ухожу из-за старых обид, она даже устроила показательный классный час, на котором извинилась передо мной за свои насмешки. И, естественно, удивилась, что я извинения приняла, но решения своего не изменила. В итоге я просто пошла к директору и попросила меня перевести. Так я получила долгожданную свободу от математики.

...А Наташка, похоже, этой свободы не получит никогда. Она уже сейчас плачет от бесконечной алгебры, а что будет потом? Я не понимаю, почему она не пытается ничего изменить, но ещё больше не понимаю её родителей – ведь они губят её своими же собственными руками. У Наташки ещё в прошлом году был невроз из-за переутомления, когда она билась в истерику и плакала, что не хочет больше ходить в школу и ненавидит математику. С ужасом думаю, что её ждёт в этом году – ведь маткласс уже начали пугать выпускным экзаменом по алгебре, где будет особая контрольная, с элементами бинома Ньютона. Как хорошо, что я никогда не узнаю, что это такое. Бедная, бедная моя Наташка...

А ещё – сегодня пятница! Это мой самый любимый день недели. Люблю прийти из школы, приготовить себе что-нибудь вкусненькое, улечься на диван с книжкой. Как бы много ни задали на дом, я никогда не делаю уроков в пятницу – это мой *законный* день. Только что отошла от пианино – играла «Аве Марию» Каччини. Такая прекрасная музыка. Как говорит моя учительница, «грозно-романтическая».

Да, знаешь, Дима с Машей подали заявление в загс. Свадьба будет 26 октября. Представляешь? Ребята не хотят никакой помпы, поэтому гостей, скорее всего, будет немного, только близкие родственники и друзья. Конечно, и Машина бабушка, которая заменила ей семью, когда в автокатастрофе погибли её родители. Маше тогда было девять лет...

Всё, дружок, у меня больше нет сил писать. Пойду спать...

20 сентября 1999 года

Сегодня мы повесили стенгазету. Надо было видеть лицо Ларисы-крысы, когда она подошла посмотреть, что же там написано. А потом – ужас! – начала отчитывать меня, Олю и Юльку за то, что не послушались её приказания. Я была просто вне себя! Какое ей вообще дело, о чём газета? Она просила – пожалуйста! Висит на первом этаже! Любуйтесь! Так нет же – «Как вы могли! Ведь я же сказала, что писать надо о Пушкине! Всё переделать!!!» Она кричала на меня, а я стояла и медленно закипала от ярости. А потом подумала: зачем, собственно, я это слушаю? Зачем позволяю на себя орать? В конце концов, у нас вышла хорошая газета. Мы хотели посвятить её Цветаевой и сделали это. Всё! Точка! В общем, я не выдержала. Когда Лариса заорала, что газету нужно переделывать, я твёрдо сказала, что всё останется, как есть. Учительница просто взбесилась и заявила, что я не имею права ей перечить.

– Девчонка, что ты о себе возомнила! Как ты можешь говорить мне, что Цветаева – великая поэтесса! Да она самоубийца! И вообще, разве тебя не учили молчать когда, говорят старшие?

– Меня не учили слушать, когда на меня кричат ни за что ни про что! – разозлилась я.

– Вы бы, Лариса Ивановна, не тратили времени зря. Мы не будем переделывать газету, – спокойно сказала Оля. Юлька молчала, испуганно переводя взгляд с нас на учительницу.

– Ах так! Тогда пойдёте к директору!

– Зачем? Что вы ему скажете? Мы не сделали ничего плохого. То, что вы, как и до перестройки, считаете Цветаеву империалисткой и белоэмигранткой – это ваше дело. Но её творчество уже не запрещено, ведь так?

Я, наверное, действительно перегнула палку, ругаясь с учительницей. Но, с другой стороны, что теперь, стоять и слушать, когда на тебя орут? И, главное, было бы за что!

В итоге Лариса заявила, что поставит нам в журнал двойки. Тогда мы с Ольгой круто развернулись и сами пошли к директору. А Юлька так и осталась возле кабинета литературы, пыталась успокоить учительницу. Я даже разозлилась на бывшую подругу: ведь по законам коллектива она должна была нас поддержать. Понимаю, каждый дрожит за свою школу. Но

где же тогда те самые честность и справедливость, о которых пишут в книгах? В общем, мы всё рассказали директору – без утайки, как было. Он смотрел на нас и улыбался. «Девочки, – говорит, – вы всё принимаете слишком близко к сердцу». Он сказал, что Татьяна Мироновна выпишется из больницы сегодня, а значит, в понедельник вернётся в школу. Какое счастье! Осталось пережить всего один день! Я просто не перевариваю таких людей, как Лариса. Она привыкла всё делать по старинке. Четыре урока подряд мы разбирали образ Чапаева в «Разгромах»! И это при том, что, если верить нашим учебникам, как раз сейчас мы должны изучать поэтов Серебряного века. И каждый урок рассказывает нам, какие хорошие были «красные» и какие плохие – «белые». Нет, я ничего не имею против. Но зачем же так клеймить тех, кто в то время был по другую сторону? Она что, никогда не читала ни «Белую гвардию», ни «Доктора Живаго», ни «Бег»? Пастернак, Цветаева, Набоков – эти имена вызывают у неё прямо-таки аллергическую реакцию. Не знаю, может, я и не права, но мне кажется, что свои коммунистические взгляды вполне можно оставить при себе. Всё, дружок, извини, больше писать об этом не могу – начинаю злиться...

22 сентября 1999 года

Сегодня я познакомилась со своим репетитором. Она будет готовить меня ко вступительному экзамену по истории. Очень милая женщина лет сорока, приятная внешне, интересная в общении. Наверное, преподаватель истории таким и должен быть. У меня уже было первое занятие. Анна Петровна рассказала мне о древних славянах, мы вместе рассмотрели на карте места их расселения. Если честно, эта тема никогда не была мне интересна. Я привыкла воспринимать отечественную историю только с начала царствования Ивана Грозного. А больше всего мне нравится период с конца XVIII до середины XIX века: Елизавета, Екатерина II, Павел, Александр I, декабристы... Пушкин... Лермонтов... Эпоха чести. Достоинства. Романтики... Но, представляешь, Анне Петровне удалось меня заинтересовать! Мне очень понравилось с ней заниматься. Единственный минус – придётся много учить. А я ведь терпеть не могу зубрёжку. Я даже для школы стараюсь не учить наизусть, как многие делают, а просто читать несколько раз нужные параграфы, чтобы понимать, о чём идёт речь...

Выходит, у меня теперь совсем не будет времени писать, ведь готовиться нужно будет не только к школе, а ещё и в институт. Два репетитора – английский и история. Ещё музыка – но это для души.

25 сентября 1999 года

Суббота. Прекрасный день – погода просто обалденная. Мы всей семьёй устроили маленький пикничок на берегу залива: жарили шашлыки, фотографировались, смеялись до упаду, стреляли из моего пневморужья в карьере. Конечно, Маша была с нами, ведь теперь она практически стала членом моего взбалмошного семейства. Всё было просто великолепно. Бывают моменты, когда я чувствую себя абсолютно счастливой. Например, сегодня. Этот день вряд ли можно забыть. Хотя бы потому, что мы – я, мама, папа, Дима, Маша – были вместе и нам было хорошо. Как жаль, что такое состояние не может длиться вечно...

Знаешь, чем больше я общаюсь с Машей, тем больше она мне нравится. Иногда она в шутку называет меня сестрёнкой. А ведь я всегда очень хотела иметь сестру. Брат – это замечательно, он добрый, сильный, смелый, но... С ним просто невозможно говорить о некоторых вещах. Другое дело – с сестрой. Я очень надеюсь, что когда Маша с Димой поженятся, это не изменит наших отношений ни с Машей, ни тем более с Димой. Если честно, я боюсь, что, когда он станет мужем, у него не останется времени для меня. Понимаю, это чистой воды эгоизм. Но я очень боюсь потерять свою дружбу с Димкой. Ведь он – мой единственный

друг. Когда мне было лет двенадцать, я постоянно на него злилась и кричала. А он в ответ только со смехом восклицал: «Неужели твой переходный возраст никогда не закончится?!» Меня это ужасно раздражало. Димка рассказывал, что, когда я родилась (ему ведь было уже восемь лет) и меня принесли домой, я показалась ему такой маленькой и хрупкой... Он даже боялся прикоснуться ко мне, чтобы «не сломать». И решил всегда защищать «это крошечное пищущее существо». Хотя, конечно, сначала ревновал ко мне родителей. А совсем скоро у него могут появиться свои дети. Представляешь, я стану тётей! Буду заваливать племянников игрушками и читать им сказки. В том числе свои.

28 сентября 1999 года

Школа, школа... Сколько там всего происходит! За выходные в кабинете физики поставили новый замок: когда дверь запирают с одной стороны, с другой её ну никак не откроешь. «Антигитлеровская коалиция» (так мы с Ольгой называем группу мальчишек под предводительством Шаманова) тут же решила разыграть нашу «физиню», Галину Ивановну. Стёпка вскочил на парту и громогласно возвестил: «Сидим тихо! Щас я закрою дверь. Галка подёргает, решит, что кабинет пуст, – и пойдёт за ключом. Пока она шарится туда-сюда, мы откроемся и будем её ждать, как ни в чём не бывало. Все слышали?» В ответ раздался одобрительный гул. Степану вообще никто никогда не возражает. Если кто-то выходит из подчинения, ему объявляют «молчаливый бойкот», ну а парню, соответственно, грозят «крутые разборки в Токио» или, проще говоря, драка. Прецеденты уже были. Меня это раздражает. Не класс, а стадо овец! Даже противно, как все пресмыкаются перед Шамановым, боясь попасть в немилость. Несколько раз я чуть было не нарвалась на открытый конфликт с ним, потому что не желала поступать по его указке. Почему я должна сбегать с урока вместе со всеми? В конце концов, захочу – уйду сама! Только не по чьему-то приказу! Но сегодня спорить было бесполезно, ведь на стороне Стёпы – толпа, а на моей – одна Оля. В итоге «шутка» удалась. Когда Галина Ивановна наконец-то попала в кабинет, все примерно сидели на своих местах. У бедной Галки был такой растерянный вид. Мои одноклассники веселились от души, хихикая и гримасничая за её спиной. А мне было жаль учительницу. Может, она готовилась к этому уроку всю ночь, а мы так грубо и жестоко её разыграли. И самое противное, что я сама была участницей этого розыгрыша. Действительно, молодёжь жестока. Жестока, потому что не желает объективно оценивать своё поведение и думать о последствиях. Хотя, если уж быть справедливой до конца, то жестоки не только мы, пятнадцати-семнадцатилетние, но и взрослые. Они просто не помнят, как это – быть молодыми. Или не хотят вспоминать.

После урока я не выдержала и подошла к Стёпе. Он, как обычно, был окружён своей свитой.

– Тебе не кажется, что развлекаться таким образом могут только восьмилетние дети? – спросила я.

– Ты что-то имеешь против меня? – с вызовом ответил он.

– Против тебя – нет. Против твоих дурацких приколов – да.

– Слушай, если тебе что-то не нравится, скажи об этом всем. Громко и откровенно. Хотя сомневаюсь, что такая «пушистая овечка» как ты на это способна...

– Думаю, в этом классе нет недостатка в «пушистых овечках». Я к ним не отношусь.

– Андреева, ты нарываешься!

– Ты тоже, – процедила сквозь зубы я, разворачиваясь на каблуках. Когда я уходила, то услышала за своей спиной взрыв хохота. Но мне было на это наплевать.

Такие дела.

29 сентября 1999 года

Сегодня я не ходила в школу: надо было съездить в больницу, сдать кое-какие анализы. Ненавижу все эти лечебно-врачебные учреждения! Мало того, что там никогда не бывает уютно (да и как могут быть уютны обшарпанные стены, которые последний раз красили минимум лет десять назад?), так и люди, то есть врачи и больные, всегда ужасно сердитые и недоброжелательные. Меня поражает: почему они так себя ведут? Конечно, у наших врачей крошечная зарплата, но ведь те, кто вынужден прибегать к их помощи, в этом не виноваты. Врачи давали клятву Гиппократу, а значит, не должны поступать так... как поступают. Сегодня в больнице я наблюдала жуткую сцену: заходит девочка лет десяти – белая как стена. Сразу видно, что ей плохо. Видимо, даже из школы ушла. Заглядывает в один кабинет, в другой... И вдруг я слышу, как какая-то «тётя в белом халате» нагло заявляет: «Ты, девочка, вообще иди отсюда. У меня рабочий день закончился, и я тебя принимать не буду!» Я была просто в шоке. Как можно говорить такое ребёнку, да ещё и больному? Девочка заплакала. И ни один взрослый человек, а ведь их там, в коридоре, сидело очень много, и все с детьми, не возмутился и не сделал ни малейшего движения в её сторону. Мне стало так стыдно за себя и за всех этих людей... Я встала, взяла девочку за руку и пошла с ней к заведующей поликлиники. Дневничок, я, вообще, очень трусливая, но когда на моих глазах обижают маленьких и слабых, страх пропадает. Словно эта несправедливость придаёт мне сил. Короче говоря, девочку всё-таки осмотрели. У неё был гипертонический криз. Представляешь, это в десять лет! Потом, уже придя домой и успокоившись, я подумала: а что если бы этому несчастному ребёнку стало плохо прямо в коридоре? Если бы она упала в обморок? Неужели никто не обратил бы внимания? Вот до чего дошли мы, люди, в своей чёрствости!

Потому-то я терпеть не могу поликлиники и стараюсь бывать там только в случае крайней необходимости.

1 октября 1999 года

Сегодня праздновали День учителя. Удивительно, ведь это последний для меня «учительский праздник». В том смысле, что на следующий год я уже буду студенткой. Конечно, если поступлю. О том, что будет, если я провалю вступительные экзамены, даже думать страшно.

Итак, День учителя. Вчера пришлось немного побегать: сначала мы с Олей собирали с одноклассников деньги, потом ездили на Центральный проспект за подарками. В самый последний момент компанию нам решила составить Татьяна. Я немного удивилась, но виду не подавала. Естественно, мы с Олей не могли при ней разговаривать, как всегда. Невозможно быть откровенными, когда рядом такой человек. А Татьяна ещё и подтрунивала над нами. Мол, что это мы такие зажатые. Кончилось всё тем, что мне пришлось шутить немного больше, чем обычно. Оля смотрела на меня круглыми от изумления глазами. А потом стала подыгрывать. Смешнее всего было, когда Татьяна в процессе размышлений над ценами на цветы стала выяснять подробности моей личной жизни. А выглядело это примерно так:

– Ой, какие миленькие розочки... Марин, тебе, наверное, часто такие дарят! – Такое заявление меня чуть-чуть смутило. Во-первых, роз мне ещё никто не дарил. Во-вторых, мне вообще цветов не дарят – по той простой причине, что я ни с кем не встречаюсь. Но не могу же я всё это сказать Барковой? Не знаю, что бы я ей ответила, если б меня не выручила Оля.

– Тоннами, – засмеялась она. – Поверишь ли, Марина у нас известная сердцеедка.

От такого заявления я слегка опешила. К счастью, Татьяна тоже, так что у меня было время прийти в себя.

– Надо же, – наконец произнесла Таня. – А ведь, глядя на тебя, и не подумаешь...

– Ну что ты... – заулыбалась я. – Меня ещё рано выбрасывать на свалку. Оль, зачем же ты выдаешь мои тайны? – с этими словами я легонько толкнула подругу в бок.

Вот так мы и «обменялись любезностями». Дальше разговор вертелся исключительно вокруг количества роз для классной дамы.

Понимаю, Татьяна хотела задеть меня. Почти не сомневаюсь, что она, как и все остальные, считает меня «синим чулком». Но ведь я совсем другая! Да, у меня нет парня, но ведь это ещё не показатель! Я тоже люблю веселиться. И жить люблю. И не делаю выводы о людях по их оценкам в дневниках. А то, что я отличница, вовсе не означает, что со мной скучно.

Праздничный концерт для учителей, похоже, удался. Я читала свои стихи, Наташа пела «Учительницу первую мою», специально для Анны Тимофеевны. У неё такой красивый голос! Странно, что сама Наташа так не считает. Сегодня она пела только потому, что учителя музыки целую неделю её уговаривали.

...Последний День учителя за мою школьную жизнь. И не будет больше этих букетов, улыбок, радостных слёз и лёгкой ругани с классом из-за предстоящего праздника. С одной стороны, я даже рада этому. С другой, мне чуть-чуть грустно... Пойду на кухню. Мама как раз что-то там стряпает. Вечером должна прийти Машина бабушка, ведь она ещё не знакома с моими родителями.

6 октября 1999 года

Сижу дома. Болею. Или маюсь «воспалением хитрости», как выражается Димка? В сотый раз посмотрела «Одиссею капитана Блада», послушала свои любимые кассеты, перечитала «Бритт Мари изливает душу». И тут меня поразила удивительная мысль: человек ценен только тогда, когда он что-то делает, что-то вокруг себя пытается изменить. Если целыми днями лежать на диване и сверлить взглядом потолок, ничего не произойдёт и удача не поплывёт сама к тебе в руки. Для себя я решила, что хочу от жизни всего (по возможности, конечно, хорошего), *быть*, а не казаться. Любить, страдать, творить... А не только мечтать. Потому что счастье не только в мечте.

7 октября 1999 года

Сегодня мне грустно. Настроение препротивное. В школу ещё не хожу – такая слабость во всём теле. С одной стороны, приятно иногда поболеть, чтобы домашние «побегали» вокруг тебя. Мама вчера даже пораньше ушла с работы, представляешь? И звонила домой раз пятнадцать. Папа каждый вечер норовит принести мне что-нибудь интересное, чтобы я «не заскучала». Димка приходит каждый день. А вообще, он теперь редко бывает дома: ночует в своей квартире, обживает её. Готовится к свадьбе – покупает вместе с Машей новую мебель, делает ремонт. Иногда я даже на него обижаюсь за эту чрезмерную занятость. Понимаю, Димка не обязан проводить всё своё время со мной. Он ведь теперь жених, почти что муж. Когда-нибудь это должно было произойти. Но мне всё равно немного грустно...

Не подумай, что я завидую, дневничок. Просто как-то так вышло, что у всех есть «половинка», любимый человек, а у меня – нет. Прямо как у Линдгрена: «у мамы есть папа, у папы есть мама»¹, у Димы – Маша, у Оли – Дик... Ау меня – никого. И у Наташи тоже. И от этого так плохо на душе. Мне почти семнадцать лет, а я даже не знаю, как это – любить. Конечно, я люблю своих родителей и подруг, брата, музыку, книги, море, цветы... Но вот

¹ Неточная цитата из повести-сказки Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон»

любить при этом кого-то ещё? Совершенно постороннего молодого человека, юношу, мужчину? Как это? Что чувствуешь при этом?

Наверное, на меня так действует музыка... Когда слушаю “ChiMai” Морриконе, всегда хочется плакать. Прямо как сейчас.

8 октября 1999 года

Вчера вечером дочитала последнюю страницу «Отверженных». Знаешь, дружок, я могу плакать от музыки или фильмов – но от книг... Такого за мной не водилось. Может быть, дело в том, что фильмы и музыка воспринимаются намного острее: их видишь и слышишь. Хорошая актёрская игра и талантливый режиссёр в состоянии «сделать конфетку» из самого бездарного сценария. Книги – это другое. Они более возвышенны, более насыщены чувствами, более умны и более далеки... Любая, даже самая маленькая история, рассказанная в книге, – это не просто титанический труд писателя, это ещё и грандиозная работа читателя – напряжение его души, ума, чувств. Именно поэтому от книги труднее «расчувствоваться». Сначала нужно понять и представить то, что происходит на её страницах. А это не так просто. Вчера я проплакала почти весь вечер: невозможно было спокойно читать о последних минутах Жана Вальжана.

...Как хорошо, что такие книги не изучают в школе! Ведь уроки литературы в большинстве случаев заключаются в том, чтобы «разобрать по косточкам» и «разложить по полочкам», то есть фактически перевернуть с ног на голову повесть или роман. Но ведь это неправильно! Зачем рассматривать «эволюцию Пьера Безухова» или «становление теории Раскольникова»? Зачем навязывать нам традиционное понимание литературы в целом? Ведь каждый человек, если, конечно, у него всё в порядке с головой, в состоянии найти в любой книге что-то своё и для себя. Пусть не всё поймёт, пусть будет думать не так, как в учебнике написано, – но думать! Мне кажется, уроки литературы должны носить характер беседы, плавной и ненавязчивой. И не надо этих дурацких планов и конспектов. Ведь не в них главное. Важно, чтобы мои ровесники хотели и любили читать, а не собирались по подъездам выпить и покурить, чтобы они читали для души, а не для того, чтобы не получить двойку. А у нас как? «Все читаем первый том “Войны и мира”, выписываем речевые характеристики Безухова и Болконского, составляем цитатный план и отвечаем на следующие вопросы...» Глупо!

И ещё хорошо, если все действительно «читают» заданный первый том «Войны и мира». А то можно и «краткое изложение» купить. Легко и удобно.

...Ого, ну и расфилософствовалась я! Прямо как настоящий журналист!

Понимаешь, дневничок, именно через такие книги я всё больше и больше узнаю мир. И людей. И пресловутый социум. Мне так много хотелось бы сказать об идеализме Мариуса, наивности Козетты, подлости Тенардье, жертвенности и гордости Анжольраса, несчастных судьбах Фантины и Эпонины, святости Мириэля... И, конечно, о величии Жана Вальжана. Но слова и мысли путаются у меня в голове. Я только-только начинаю понимать, какими бывают люди и как причудливо может запутаться нить судьбы одного человека в клубке судьбы целого народа...

Кажется, то, что я хотела сказать, вышло немного помпезно. Не умею я всё-таки писать, не умею...

Уже поправляюсь. Завтра в школу. И хочется и не хочется... Знаешь, пока я болела, мне каждый день звонили девчонки мои – Оля и Натала. И каждый день заходили проведать. По их словам, Татьяна опять что-то замышляет. Бегает, активно «кучкует» одноклассников. Ну и ладно. Пусть делает что хочет, мне абсолютно всё равно! К тому же я всегда знала, что Таня меня недолюбливает. Вот только за что? Я не сделала ей ничего плохого. Я не отбиваю

у неё парней, не претендую на лидерство в классе. Просто стараюсь вести себя независимо. Видимо, именно это всех и бесит. Но, что удивительно, сегодня мне звонил Шаманов! Когда я услышала в трубке его голос, у меня был лёгкий шок. Шаманов якобы хотел поинтересоваться, что задали по французскому. Словно не знает, что я болею. Я продиктовала ему название текста и уже хотела вежливо распрощаться, когда Степан вдруг спросил: «Тебя в школе что-то не было. Всё в порядке?» Ну и где, спрашивается, логика?!

11 октября 1999 года

Пока я болела, в школе кое-что произошло. Татьяна действительно развела кипучую деятельность по устранению возможных конкуренток на пути к сердцу... Шаманова. И откуда она взяла, что я имею какие-то виды на Стёпу? Я никогда не обращала на него ни малейшего внимания. Ну да, раз в полгода он звонит мне, чтобы узнать задание. Но не более! В школе мы никогда особо не общались. Разве что скандалили пару раз. Удивляюсь.

Вчера мы всей параллелью ходили в поход. Когда я думаю, что это был последний поход в моей школьной жизни, становится так грустно... Учителя устроили для нас много всяких конкурсов и состязаний – было очень даже смешно, особенно когда мы палатку ставили. Все запутались в этих речках-верёвочках. Потом с «Г» классом играли в мяч на зали-той солнцем поляне. Даже Татьяна Мироновна бегала с нами наперегонки! Но самое интересное было, когда к игре присоединились Шаманов и компания. Они вели себя на удивление спокойно и ненагло. Я споткнулась о какую-то корягу и упала, так Стёпа даже помог мне подняться и отряхнуться. А когда настало время возвращаться домой (а мы ушли довольно далеко от города, километров семь-восемь одолели), со мной рядом вдруг оказалась Татьяна. Оля с Наташей в это время с кем-то разговаривали, и я фактически осталась с ней наедине.

– Знаешь, я бы на твоём месте оставила Стёпу в покое, – сказала она.

– Какого Стёпу? – не поняла я.

– Вот только не надо дурой прикидываться! Шаманова, конечно. Попробуешь строить ему глазки – тебе не поздоровится. Понятно?

– Да он мне даром не нужен, твой Шаманов, – довольно резко ответила я.

– Имей в виду, я тебя предупредила, – угрожающим тоном произнесла она.

– Во-первых, ты меня не запугаешь, а во-вторых, я уже сказала, что он мне не нужен.

Вот так. Не знаю, с чего Татьяна взяла, будто Шаманов мне симпатизирует. Сегодня в школе мы с ним опять разругались. Без всякой причины! Если честно, я даже не поняла, чего ему от меня нужно. И после этого словесного поединка Татьяна ещё смеет утверждать, что я ему нравлюсь? Нет уж, увольте!

13 октября 1999 года

Сегодня меня, Татьяну, Олю и ещё несколько человек возили на конкурс знатоков английского языка, на другой конец города. Победитель поедет в Штаты на пять-шесть месяцев (кажется, с января по июнь). Естественно, бесплатно. Вот было бы здорово! Но мои шансы очень малы. И потом, даже если я и выиграю, вряд ли окажусь в Америке. Хотя бы потому, что нужно каким-то образом поступить в институт. А для этого – много заниматься. В общем, меня, как обычно, раздражают противоречия. И... я уже не знаю, хочу ли учиться на юридическом факультете. Меня всё больше и больше притягивает журналистика. Я попыталась поговорить об этом с папой, но он меня не понял. Родители считают, что я должна пройти ИХ путь. Стать тем, кем они хотят меня видеть. При этом моё желание в расчёт как-то не берётся. Да я и сама не знаю, чего хочу. Вот в чём беда.

14 октября 1999 года

Не поверишь, дневничок, я вышла во второй тур! Да-да, этого конкурса по английскому! Из нашей школы во второй тур прошли только двое – я и Татьяна. Мы даже вместе ездили на тестирование второго тура. Оно оказалось очень сложным, я уверена, что ни одного задания не сделала правильно. Итоги будут известны в первых числах декабря. Тогда-то и станет ясно, кто поедет в Америку. Хотя уж кому-кому, а мне это не грозит.

Отдельно стоит написать о моём «общении» с Татьяной. О, моя замечательная одноклассница была необыкновенно мила. Всё началось с того, что она села за мной за один стол («мы же поможем друг другу?») и даже собралась было списывать, но тут выяснилось, что задания разные абсолютно у всех. Этот факт несколько уменьшил любезность Татьяны, но, когда проверяющие имели глупость отворачиваться, она все же тихонько советовалась со мной. В перерыве Татьяна увязалась за мной в буфет. Я купила себе чай с бутербродом, а Татьяна... я была даже шокирована тем, сколько у неё денег! Она с лёгкостью отдала за разные шоколадки и печенюшки сумму, которая у меня будет, только если сложить все мои карманные деньги и мою «отличническую» стипендию за месяц. Да-с...

Если честно, я очень устала от Татьяны за этот день. Ещё пару дней назад она мне угрожала, сегодня – набивается в подруги. Не понимаю. И не хочу от неё ни дружбы, ни вражды...

А вечером мы с Натальей ходили в Музыкальный театр. На «Евгения Онегина». Это было потрясающе. Прекрасная музыка, замечательные артисты с красивыми голосами... У меня в голове до сих пор звучит: «Я люблю вас, я люблю вас, Ольга...» Когда мы ехали домой, Наташа неожиданно расплакалась. И сказала мне такое... Оказывается, уже год, как она тайно влюблена в Петровского – одного из самых молодых и красивых солистов нашего Музыкального театра (он пел Ленского). Это Наташа, самая спокойная из нас! Наташа, которая никогда не давала воли эмоциям! Я пыталась её успокоить, но как? Мало того, что у меня совершенно отсутствует опыт в любовных делах, так я ещё и не могла поверить, что всё это правда. Оказывается, Ната мечтает о большой сцене. Хочет петь. Быть артисткой. Вообще-то, у неё на самом деле прекрасный голос и она очень талантлива.

Только благодаря ей я стала ходить в оперу и оперетту. Мне самой как-то ближе и понятней Театр Драмы. Но то, что сказала мне Наташа... Я до сих пор не могу прийти в себя. Ни её родители, ни сестра ни о чём не подозревают. Наталья говорит, что никогда не встречалась со своим любимым в жизни. Несколько раз дарила ему цветы. Она знает, что её чувство ни к чему не приведёт. И в то же время на что-то надеется. Наташа попросила меня написать ему письмо: сама не хочет и не может. Просто моя подруга не в ладах с литературой, особенно если дело касается сочинений. Я попыталась объяснить ей, что не знаю, как писать и о чём, но она и слушать не хотела...

15 октября 1999 года

Всё-таки я уговорила Наташу не писать Петровскому. Не знаю, правда, надолго ли... Завтра она опять идёт на его спектакль. Вроде бы со старшей сестрой. Меня очень пугает эта её влюблённость. Уж слишком бурные страсти бушуют в такой тихой с виду Наташке...

17 октября 1999 года

За последнюю неделю Шаманов звонил мне восемь раз. Я считала. Если учесть, что раньше мы общались почти сквозь зубы, то это странно. У него всегда есть какой-то более или менее реальный предлог: забыл тетрадку, не записал задание. А сегодня, после обычной уже диктовки номеров задач по алгебре, мы даже *разговаривали*. Нормально, без подколов и взаимных шпилек. Не помню, как мы вдруг вышли на обыкновенный человеческий разговор. Кажется, Стёпа спросил меня о каком-то фильме или привёл какую-то цитату. В итоге мы разговорились, стали вспоминать старое советское кино, разных актёров, и я с удивлением отметила, что Стёпа разбирается в кинематографе очень хорошо. И, что меня поразило больше всего, он смотрел «Не покидай»! Этот фильм Леонида Нечаева не такой уж старый, но почему-то его редко показывают по телевизору, а видео найти очень сложно. У меня кассета появилась только полгода назад, и, надо признать, скоро она рискует быть затёртой до дыр. Мало кто из моих знакомых смотрел эту трогательную музыкальную сказку. А он смотрел. И даже помнит, что *«турниры отменили, турниры отменили, как будто нет на свете ни отваги, ни любви...»*

18 октября 1999 года

Как странно. Поймала себя на мысли, что жду звонка. От Стёпы. Я сама не понимаю зачем. Мне просто почему-то хочется поговорить с ним. Ни о чём. Просто так.

19 октября 1999 года

Неужели Татьяна права, и я нравлюсь Шаманову? В последнее время очень часто ощущаю на себе его взгляд. Быть не может. Самый «крутой» парень в школе... и вдруг? Нет, нет, мне показалось.

А Татьяна начинает новый виток «вражды». Смотрит на меня исподлобья, не здоровается. Может быть, она видит то же, что и я? Нет, мне всё-таки кажется. По сравнению со Стёпой я – серая мышка. Ему больше подойдёт яркая Татьяна, разодетая в пух и прах, а не скромная отличница.

Мы с Машей ездили выбирать свадебное платье. Странно, что она пригласила для этого именно меня, а не кого-то из своих подруг. Говорит, у меня очень хороший вкус. М-да, что-то сомневаюсь... Сначала Маша собиралась шить платье в ателье, но потом передумала. Тем более буквально две недели назад в центре города открылся большой магазин для новобрачных. Туда мы с Машей и направились. И не только туда. Мы так приятно провели время: ходили по магазинам, смотрели каталоги, пили коктейль в кафе. Потом приехала Машина подруга Лена. Она мне очень понравилась, умная и симпатичная. Но Маша лучше. Она такая добрая и нежная. Я понимаю, почему Димка в неё влюбился. И уже почти верю, что она и правда моя сестра.

А потом мы отправились в парикмахерскую. Маша обсуждала с мастером свадебную причёску и вдруг... уговорила меня подстричься! Я сама от себя такого не ожидала – ведь у меня всегда были очень длинные волосы. И, если честно, я всегда была ими недовольна. Длинные, прямые и такого хитрого «качества», что с ними невозможно сделать практически ничего. Никакой причёски! До десятого класса я ходила в школу с косой, а в десятом стала распускать волосы и носить обруч. Маша предложила мне сделать стрижку с чёлкой. Я сначала опешила, потом посмотрела журналы, которые подсунула нам заботливая парикма-

херша, зажмурилась и... согласилась! Через час из зеркала на меня смотрела совсем другая девушка. Чёлка, стильная причёска – сзади подлиннее, спереди покороче, лёгкий макияж... «А ты ничего, симпатичная!» – сказало мне зеркало. И я ему подмигнула.

Вечером я зашла к Наташке – похвастаться своим новым обликом. Нате понравилось. Оли, увы, дома не было. Родителям, как ни странно, моя стрижка тоже понравилась, хотя папа и поворчал немного насчёт того, что «коротковато, а у девушки должны быть длинные волосы». Димка сказал, что я стала даже внешне похожа на Машу. Думаю, это теперь высший комплимент...

(Судя по всему, тот же день. Написано другим стержнем. Почерк неровный, словно спотыкающийся).

...Сейчас два часа ночи. Я только что посмотрела «Up Close & Personal» («Близко к сердцу») с Мишель Пфайфер и Робертом Редфордом. Замечательный фильм! Ах, как бы я хотела стать репортёром! Этот таинственный мир телестудий, съёмок, разъездов, словно магнитом притягивает меня к себе. У меня была бы уникальная возможность увидеть столько интересного! Дневничок, поверишь ли, у меня нет слов, чтобы описать свои чувства. Только какая-то ненормальная жажда действий. Понимаешь, я ведь не рвусь стать знаменитой – просто хочу делать то, что мне интересно. А папины и мамины законы почему-то кажутся мне слишком сухими и бездушными. В юриспруденции не видно человека. А в журналистике – он король положения. Да, родители никогда не позволят мне пойти на журфак. Но, может быть, я ещё переболею? Проснусь завтра (то есть уже сегодня) и забуду о своей невозможной мечте. О новостях, о бессвязных идеях, о ненаписанных строчках... Забуду? Если б знать...

20 октября 1999 года

Моя стрижка произвела в классе фурор. Чтобы достичь «сокрушительного эффекта» (каюсь, мне так хотелось немного побыть «красавицей»), я надела чёрный костюм с очень короткой юбкой (мама считает, что юбка нормальная, но меня она почему-то смущает) и сапожки на каблуках. В итоге в школе меня просто не узнали. Оля ахнула и полдня говорила со мной только междометиями. Татьяна хотела сказать что-то язвительное, но не смогла. Учителя не сразу узнавали меня в этой новой девушке с чёлкой, но потом улыбались и непременно говорили комплименты. Учитель риторики даже подмигнул мне перед уроком и посетовал, что его семнадцать лет уже далеко позади.

И Стёпа весь день не сводил с меня глаз. А потом подошёл и сказал: «Марина, тебе очень идёт эта причёска». Класс затаил дыхание, ведь сказано это было при всех.

Как же мало надо девчонке для счастья! Сегодня я была счастлива!

21 октября 1999 года

День, полный событий. На перемене подошла Татьяна и сказала, что после уроков ждёт меня за школой. У неё было такое злое лицо, что мне стало ясно – намечается «разборка». Оля и Наташа были со мной согласны. Мы вышли из школы вместе. Татьяна и ещё целая банда девчонок и парней – человек десять, все из параллельных классов – уже ждали нас на спортплощадке.

– Ну что, – сказала Татьяна, – ты сама от него откажешься, или тебе помочь?

– Я не понимаю, что тебе от меня нужно, – ответила я.

На самом-то деле я, конечно, понимала.

– Не корчи из себя идиотку, Андреева, – произнесла Таня. – Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю. Ты здесь и сейчас пообещаешь мне, что никогда не посмотришь в сторону Стёпы. Иначе тебе грозят очень большие неприятности.

– Так мне теперь и здороваться с ним нельзя? – съехидничала я. У Таньки перекошилось лицо.

Думаю, в этот момент её единственным желанием было меня убить.

– В таком случае можешь считать себя покойницей, – процедила она сквозь зубы. И мне стало по-настоящему страшно. Я никогда ни с кем не дралась. В конце концов, мы цивилизованные люди и вполне можем решить спор «словами, а не кулаками»². Но объяснять это озверевшей Татьяне – всё равно что говорить грозе: «Не греми!» Я лихорадочно пыталась придумать хоть какой-то выход. Оля и Ната с ужасом смотрели то на меня, то на Таню.

– Может, объяснишь несведущим, в чём тут дело? – неожиданно крикнул кто-то. Я повернулась и увидела Шаманова. Ната с силой сжала мою руку, а Оля вопросительно подняла брови.

– У меня стрелка с этой, – зло ответила Татьяна. – Не мешай! Я ведь не лезу в твои дела!

– Ещё бы, – усмехнулся он. – У тебя нет ни малейшего шанса в них влезть. Я знаю, что ты перехватила мою записку. Давай её сюда.

От ярости лицо у Тани покрылось красными пятнами.

– Не отдам! – крикнула она. – И вообще, с чего ты взял, что она у меня?

– Улики поведения, – бросил он. – Имей в виду, если ты или кто-то из твоих шестёрок хоть пальцем тронет Марину, сильно пожалеете. Понятно излагаю?

Все затихли. Степан подошёл ко мне и чуть слышно сказал: «Я провожу тебя до дома, хорошо?» У меня дрожали коленки, ноги не слушались. Оля и Ната подхватили меня под руки. Стёпа взял сумку. Так мы и ушли с «поля битвы».

Когда девчонки поняли, что я могу идти без посторонней помощи, то тактично обогнали нас, шепнув, что будут ждать меня у подъезда. Стёпа молча нёс мой неподъёмный рюкзак. Неожиданно для себя я повернулась к нему и шёпотом сказала: – Спасибо.

Он улыбнулся:

– За что?

– О какой записке говорила Татьяна? – спросила я, постепенно приходя в себя.

Стёпа как-то странно посмотрел на меня и спросил: – Так ты не знаешь ничего?

Я отрицательно покачала головой. Он вздохнул:

– А может, так даже лучше. – Мне показалось, что у Стёпы дрогнул голос. У Стёпы, которого полшколы боятся! Я не верила своим ушам. Тем временем мы подошли к моему подъезду. Увидев Наташку с Олей, мой провожатый поспешно сунул мне в руки рюкзак, кивнул девчонкам и убежал.

...Вот так я и поняла, что страхи Татьяны, по всей видимости, не беспочвенны. Меня поразило только, что она узнала обо всём этом раньше, чем я. И ещё – что же было в той записке? Я могу предположить, но почему-то моя догадка кажется мне слишком невероятной. Я просто не в состоянии поверить в то, что могу нравиться.

22 октября 1999 года

Теперь я знаю, что было в записке. Татьяна сегодня пыталась разозлить Стёпу, цитируя избранные отрывки.

– Марина, ты удивительная девушка, – приторно-сладким голосом шептала она, перебегая от меня к нему, – я тобой просто восхищаюсь... Стёп, а мной ты тоже восхищался?

² Неточная цитата из повести-сказки Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон»

Мариночка, ну не надо морщить носик. Такой парень предлагает тебе дружбу, а ты делаешь кислое личико...

Мне было противно её слушать. Но и отвечать не хотелось. Я презрительно улыбнулась и, гордо подняв голову, вышла из класса, собираясь навестить Наталью. В кабинете остались, кажется, только Стёпа и Таня. Когда я вернулась, Татьяна сидела за своей партой, обиженно поджав губы. Больше она ко мне не приставала.

Не знаю, чем всё это закончится. И не могу представить, что стану встречаться с Шамановым. Я даже не понимаю, нравится ли он мне. Вообще-то, да, Стёпа симпатичный, темно-волосый, высокий... Неглупый. Иногда на уроках такое выдаёт, что все, включая учителей, страшно удивляются. У него есть своё мнение. Правда, мне совсем не нравятся его глупые выходки – как тогда, с дверью в кабинете физики. А так...

До Димкиной свадьбы осталось всего три дня. Нервничает, бедняга. Сегодня пойдём с мамой помогать ему выбрать подарок для Маши. Как странно – через три дня мой братишка станет мужем. С ума сойти!..

23 октября 1999 года

(Некоторые слова сложно разобрать, на бумаге множество клякс и пятен).

Не верю, не верю, не верю! Этого не может быть!!!

Машу сбила машина. Вчера вечером она погибла. Так нелепо, так глупо...

Не могу об этом писать, не могу!

Маша, Машенька, ну как же так?

Если б только найти того зверя, который сбил её – на пешеходном переходе! Да я бы своими руками задушила его! А он... скрылся. Никто даже номера не запомнил! Маша, Машенька...

Я никогда не смогу забыть этот день. Такое просто невозможно забыть. Пришла из школы часа в два. Сделала запись в дневнике, послушала музыку... Около четырёх мы с мамой и Димкой поехали по магазинам – покупать свадебный подарок. Если б мы знали! Брат хотел подарить Маше медальон-сердечко и вставить туда её и свою фотографии. А меня и маму позвал с собой как консультантов.

Ближе к восьми мы вернулись домой. Мама прошла на кухню, готовить ужин. Зазвонил телефон. Я взяла трубку. «Это квартира Андреевых»

Пригласите, пожалуйста, Дмитрия...» Голос незнакомый и очень-очень холодный, официальный. Не знаю почему, но мне вдруг стало так страшно... Я позвала брата. Ему что-то долго-долго рассказывали. Димка молчит, и я вижу, как он меняется в лице. Боже, я его ещё никогда таким не видела! Потом он сказал: «Я выезжаю», и в трубке послышались гудки. А он все стоял и держал её в руках, медленно сползая по стене... Я подбежала к нему, стала спрашивать, что случилось, но он, словно очнувшись, сунул мне в руки телефон и, ни слова не говоря, надел куртку. Хлопнул дверью. Ушёл. У него было чёрное лицо.

Я ничего не понимала. Ясно было одно – случилось нечто ужасное. А потом, в выпуске новостей, по радио передали, что в центре города, на перекрёстке Ларина и Бецкой, машина сбила девушку. Паззл сложился...

Нет, не хочу, не хочу больше даже думать об этом! Хватит!

25 октября 1999 года

Сегодня должна была быть их свадьба... Мой брат стал бы мужем. Наверное, он был бы очень счастлив. И Маша... Как же так? Почему вместо этого Димка стоит на коленях перед её могилой? Почему? За что?..

Сияло солнце. В октябре редко бывает так тепло. А сегодня сияло солнце и на небе не было ни облачка. Голые ветки деревьев шевелил лёгкий ветер. А вечером пошёл снег. Холодные острые снежинки больно врезались в лицо и ладони. Мне всё время хотелось плакать. И так болело где-то в груди... Утром позвонил один Димкин знакомый – думал поздравить его... Не знал, что Маша погибла.

Похороны, поминки... Понурые люди с венками в руках... Машины однокурсницы и однокурсники с покрасневшими от слёз глазами... Гроб, обшитый красной материей... А в гробу – молоденькая девушка в белом платье... Том самом платье, которое она должна была надеть сегодня на свою свадьбу... Как всё это страшно, нелепо и глупо! Сколько раз на кладбище мне в голову приходила одна и та же мысль: «Мы ведь должны быть не здесь!»

Как странно и жутко... Был человек, ходил по земле, улыбался людям, любил, мечтал, хотел быть счастливым, и вдруг... Его не стало. И земля та же, и люди те же, и солнце такое же, только Маша их уже не видит. Я не могу поверить, что больше никогда не увижу её ласковых глаз, не услышу, как она весело называет меня «сестричкой». Мне кажется, что это просто кошмарный сон, – сейчас я проснусь, и всё будет так, как должно было быть...

28 октября 1999 года

Извини, дружок, у меня просто нет сил писать. Ни моральных, ни физических. Такое чувство, словно с Машей умерло что-то в моей душе. Ведь она была для меня как сестра. Была... Какое ужасное слово!

Мой брат почти не разговаривает и ничего не ест. Только сидит в кресле, тупо уставившись в одну точку. Я боюсь, что он останется таким навсегда. Мне страшно – а вдруг и я не вспомню, что люди ещё могут смеяться? Оля и Натала в один голос твердят, что жизнь продолжается. Я делаю вид, что соглашаюсь. Да, продолжается. Только без Маши...

30 октября 1999 года

Суббота. Мама с папой не было дома, и я решила пойти к Димке. Он ночевал у нас и ушёл к себе только рано утром. Уходя, как обычно, на работу, в прокуратуру, мама сказала мне: «Иди лучше к Диме. Он сейчас не должен быть один». Как она была права! И не права... Лучше бы ей остаться дома, бросить эту дурацкую работу хоть на один день... Но ещё в шесть утра зазвонил телефон и маму вызвали на службу. Пришли данные экспертизы, которых она ждала. Папа тоже уехал в свой суд: ему надо готовиться к какому-то большому процессу. Я понимаю, всё это очень важно. Но Дима и я – разве мы не важнее? Сейчас, когда он переживает такую трагедию, ему очень нужны родные...

...Я позвонила в дверь, но ответа не последовало. Почему-то меня напугала эта тишина, и сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Когда Дима снял квартиру, он специально отдал одни ключи маме – на всякий случай, про запас. Как хорошо, что я взяла их с собой! Дрожащими руками открываю дверь. Захожу в коридор, включаю свет. Тишина. Зову брата – молчание. Бегом в комнату. Никого. В другую – вот он. Сидит на краю кровати. В руке пистолет. «Димка... – прошептала я. – Что ты делаешь?» У меня по щекам катились слёзы. Руки тряслись. Ещё никогда мне не было так страшно.

– Не подходи! – ответил он каким-то глухим, не своим голосом.

– Ты с ума сошёл... Не надо, не делай этого... – Я лихорадочно соображала, что же предпринять. До телефона далеко, да и кому звонить? Отобрать пистолет? Но ведь Дима намного сильнее меня. Остаётся одно – говорить, тянуть время, попытаться успокоить его.

– Марина, уходи... – раньше он никогда не называл меня полным именем. – Уходи... Я не хочу делать тебе больно.

– Сначала отдай мне пистолет.

– Моя жизнь кончена. Без Маши она не имеет смысла. Я не хочу жить и каждую минуту думать, что этот миг мы могли бы провести вместе...

– А ты подумал о маме с папой? Обо мне? Как мы будем без тебя? – вскричала я.

– Ты вырастешь и забудешь меня. А родители... У них есть работа. Любимая работа. И ты...

– У тебя тоже всё это есть! Семья, которая тебя любит, работа, которой ты живёшь... Машу уже не вернуть. Этого не изменишь! Если ты сейчас выстрелишь, я сделаю то же самое! Подумай, ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы наши родители сошли с ума от горя? И чтобы потом все говорили о тебе, как о слабом человеке, который не смог пережить испытаний судьбы? – шептала я, медленно подходя всё ближе и ближе к брату. Димка не шевелился. Пистолет по-прежнему был у него в руках. Я опустилась перед братом на колени, пытаюсь заглянуть ему в глаза. Неожиданно он резко поднёс оружие к виску, но я буквально выбила пистолет из его руки и отбросила в сторону. Димка задрожал всем телом и... разрыдался. Я обняла его, и он, словно маленький ребенок, плакал, спрятав голову у меня на груди. Не знаю, сколько времени мы так просидели. Я гладила его по голове, у меня внутри всё дрожало, слёзы так и лились из глаз. Димка рыдал. Ни до похорон, ни после я не видела его плачущим. Словно сегодня прорвалась плотина его горя...

...И это всё происходит с нами. Не в кино. На самом деле. В фильмах такие сцены всегда смотрятся тяжело. Но в жизни, по-настоящему, это намного больше...

3 ноября 1999 года

Ну вот и каникулы. Неделя «заслуженного отдыха» в библиотеках за написанием доклада по истории. Благо тема не избитая – Ермак. Ведь о нём так мало известно. Даже имени настоящего никто не знает. Интересно, что мне удастся раскопать?

Димка вышел на работу. Может, это и к лучшему. Так он скорее поймёт, что надо как-то жить дальше. Я понимаю, что ему тяжело и больно. Ведь я тоже любила Машу. И буду помнить её всегда. Иногда мне кажется, что вот сейчас она снова войдёт в мою комнату своей лёгкой, почти неслышной походкой. И обнимет – как сестру. Предательские слёзы... Я же обещала себе, что не буду больше плакать! Прости, Машенька...

Мама и папа погрязли в работе. Иногда, выходя из состояния рабочей комы, они пытаются привести в чувство Димку. Получается плохо. После того дня, когда я не дала ему застрелиться, он совсем замкнулся в себе. Тогда я спрятала пистолет и заставила папу ночевать у Димы в квартире. Сейчас брат живёт с нами. Вчера соседка случайно обронила такую фразу: «Дмитрий ваш молодец. Так быстро пришёл в себя». Как же она заблуждается! Да, Димка двигается, дышит, но в глазах у него пустота. И я не знаю, к чему это может привести. В тот день он пообещал мне, что никогда больше даже не подумает о самоубийстве. А сегодня в вечерних новостях я услышала, что ребят из областного РУБОПа будут отправлять в Чечню. И мне стало страшно – ведь в их числе может оказаться и мой брат! Я только одного не понимаю – зачем? Глупая, бессмысленная война. Сотни погибших. Для чего? Когда воюют ради освобождения своей страны – это ещё можно объяснить, ведь людьми движет чувство патриотизма. Мне кажется, что война за Родину – святая обязанность каждого. И если на мою страну нападёт враг, я точно не останусь в стороне. Но война в Чечне... это я понять не способна. Говорят, что в каждом государстве есть своя маленькая «Чечня»: в Англии – Северная Ирландия, в Испании – Страна Басков... И всё равно – что такое Чечня? Почему там должны погибать люди? Почему туда нужно отправлять молодых мужчин, в сущности, ещё мальчишек? За что, за какие идеалы они там гибнут?

Звонил Стёпа. Опять. Когда с Машей случилось несчастье, он откуда-то обо всём узнал и даже предлагал свою помощь. Это мне мама сказала – она тогда отвечала на все звонки. В школе мы почти не общаемся. Сегодня он якобы хотел узнать темы сочинений. Не похоже это на Шаманова – делать домашнее задание в первый же день каникул. И мы опять немного поговорили о том о сём. Я чувствовала, что он хочет сказать мне очень много, но не может найти слов. И, если честно, пока эти слова не нужны. Пусть всё идёт так, как идёт.

Ладно, дружок, пойду поиграю на фортепиано. А то давно уже не занималась по-человечески. Что у нас там? Кажется, две прелюдии Шопена... Неужели в жизни есть что-то светлое, хорошее?

Да, чуть не забыла – послезавтра идём с Натой и Олей в Театр Драмы на «Трамвай “Желание”» по Тенниси Уильямсу. Билеты взяли ещё месяц назад.

Почему-то каждый раз, когда я собираюсь делать что-то приятное, мне кажется, что я предаю память Маши. Или нет? Ведь жизнь должна как-то продолжаться. Только вот Димку жаль до слёз.

4 ноября 1999 года

НАШЛИ! Того человека, который сбил Машу, арестовали. Ему предъявлено обвинение. В тот день Никитеев (так его фамилия) был мертвецки пьян и не следил за дорогой. Сволочь! Извини, дневничок, не могу не ругаться. Мне больно от мысли, что, если бы не он, мой брат был бы сейчас счастлив рядом со своей молодой женой...

Димка ездил в СИЗО. Хотел посмотреть на того мерзавца. Я поехала с ним. Просто боялась, что брат не выдержит и... убьёт его. Удивительно, это самый обычный мужчина средних лет, чуть лысоватый, с явным пивным брюшком. Когда я увидела его, мне стало противно. Очень хотелось сказать что-нибудь гадкое, но Димка вывел меня из изолятора, а сам вернулся туда. Потом он сказал мне, что Никитеев просил прощения. Даже деньги предлагал, в знак примирения. Димка выслушал его и ушёл молча. «Убил бы, да нельзя», – пробормотал он, когда мы ехали домой.

6 ноября 1999 года

Каникулы. Каждый день звонит Стёпа. Мы говорим о какой-то ерунде: уроках, домашних заданиях, школьных событиях... Почему-то ещё о любимых фильмах и книжках. Иногда я с ужасом замечаю, что мы проговорили два с лишним часа подряд, а ведь у меня ещё столько дел...

В каникулы я взялась готовить для всей семьи ужины – каждый вечер разные. Пельмени из магазина и супы из пакетиков, которые всё чаще появляются у нас на столе в рабочие дни, уже всем смертельно надоели. Так что я нашла старую, ещё бабушкину кулинарную книгу и по ней готовлю курицу, жаркое, мясо в горшочках. Родители удивлены: я и раньше любила возиться на кухне, но не до такой же степени...

Плюс уроки. Задания на каникулы есть по всем предметам. Плюс доклад о Ермаке для областной конференции по истории. Завтра поеду в библиотеку изучать древние фолианты...

9 ноября 1999 года

Разве это каникулы? Только сейчас выдалась свободная минутка. Целыми днями попадаю в библиотеках – изучаю литературу о Ермаке. Написала (то есть отстучала на своей

допотопной машинке) уже девятнадцать листов. В принципе, тема интересная. Главное, чтобы проверяющие не повернули её как-нибудь не так. Мне хочется сделать акцент на личности Ермака, на тайне его имени, происхождения, смерти, а не на «внешнеполитической деятельности», как любят выражаться учителя. Интересный он был человек. Редко о ком в народе остаётся настолько хорошая память.

Знаешь, дневничок, у меня появилось новое увлечение – рок-оперы. Вчера слушала весь вечер «Юнону и Авось» и плакала, как ненормальная. Сегодня купила в киоске «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты». Мама говорит, что это «кошмар не без криминального содержания». Сейчас включу.

Папа вчера улетел в Москву на какой-то судейский симпозиум. Его даже показывали по телевизору. Димка ещё не пришёл с работы. Ключи от квартиры, которую он снимал в соседнем доме, вернули хозяевам. Он не смог бы жить один там, где должен был быть счастлив с Машей. Так что теперь Дима снова живёт дома. Точнее, ночует, поскольку весь день мой брат проводит на работе. Уходит в семь, приходит в девять, а то и в десять. Естественно, сразу падает на диван и засыпает. Мама говорит, что так, может быть, он быстрее придёт в себя. Не знаю...

11 ноября 1999 года

Каникулы закончились. Вчера я снова оказалась в красном кирпичном здании с серой крышей, именуемом школой. Сегодня отдала учительнице истории свой доклад-реферат о Ермаке. Получилось тридцать листов. Кажется, Ольга Викторовна была приятно удивлена списком литературы. Интересно, что она скажет о содержании.

Самая поразительная и странная новость – наш директор, Дмитрий Иванович, во время каникул ушёл из школы. Никто из учеников точно не знает почему. Уйти вот так, посреди учебного года, ни с кем не попрощавшись, – это совсем на него не похоже. Теперь директорский кабинет занял другой человек. Некий Рудольф Петрович. Когда он проходит по коридору, в воздухе долго витает запах французского парфюма. Почему-то новый директор не очень мне нравится. Во всяком случае, не могу представить, чтобы я могла просто, как раньше, зайти к нему в кабинет и о чём-то спросить...

Весь день сегодня вспоминаю тот спектакль – «Трамвай "Желание"». Видимо, запоздалая реакция. Честно говоря, ни за что в жизни я не хотела бы посмотреть его ещё раз – настолько тяжёлые впечатления...

Не поверишь, после уроков Стёпа проводил меня до дома. Даже подождал, пока я схожу в учительскую сдать журнал. Мы почти не разговаривали, просто шли рядом. Потом, у самого подъезда, Стёпа спросил: «Может быть, мы куда-нибудь сходим? Как насчёт кино?» Я немного растерялась. Меня ведь ещё никогда не приглашали на свидания! Выдав из себя улыбку, я сказала: «Почему бы и нет?» У Стёпы в глазах вспыхнул неопишуемый восторг. Мы ещё немного постояли у дверей и разошлись по домам. Кажется, я веду себя как дура. Полная и окончательная.

13 ноября 1999 года

В кино мы действительно сходили. На «Осторожно, двери закрываются!» с Гвинет Пэлтроу.

Милый такой фильм. Немного грустный, чуть-чуть философский. Мне понравился. Стёпе, похоже, тоже. Надо же, это было моё первое свидание! Только, если честно, я не относилась к нему серьёзно и вела себя практически как обычно. То есть, когда я шла к кинотеатру, у меня не было тех ощущений, которые обычно описывают в романах. Голова

не кружилась, сердце из груди не выпрыгивало. Я даже немного злилась на себя. Честно, никогда не думала, что я такая бесчувственная! Стёпа уже ждал меня. Из-под куртки выглядывал белый бутончик розы. Дневничок, представь, в первый раз парень дарит мне цветы! Оказывается, это так приятно...

Мы посмотрели фильм и немного прогулялись. Стёпа проводил меня до дверей. Вот и всё. Весь вечер потом у меня было какое-то странное состояние – с одной стороны, вроде ничего не произошло, а с другой – я чувствовала, что что-то изменилось. Я понимаю, что нравлюсь Стёпе. Вижу, какими глазами он смотрит на меня в школе. Но сказать определённо, нравится ли он мне, не могу. И, если честно, меня это немного пугает.

15 ноября 1999 года

Димка пришёл с работы неожиданно рано. Потом приехал и папа. В общем, у нас был первый за долгое время семейный вечер. И вот за ужином Димка сообщил нам новость, от которой я до сих пор не могу прийти в себя.

– Мама, папа, Марина, я уезжаю в командировку. На три месяца, – сказал он, когда мы пили чай. Я даже поперхнулась.

– Куда?! – в один голос спросили мы с мамой. – Зачем?

– Почему так надолго? – вклинился папа.

– В Чечню.

Все замерли. У мамы на глаза навернулись слёзы. Папа ударил кулаком по столу.

– Ты куда не поедешь! – почти крикнул он. – Я договорюсь обо всём с Иванчиковым. Ты останешься дома.

– Нет, отец. Я поеду. Всех моих друзей и меня отправляют туда в служебную командировку. Я должен ехать, иначе на меня будут смотреть как на предателя. Вы меня не отговаривайте.

Что тут началось! Наверное, два часа мама и папа вели с Димой «профилактические беседы». Я молчала. Не знаю, что на меня нашло, но я поняла, что отговаривать его бесполезно. Потом, когда страсти немного утихли, я позвала брата в свою комнату.

– Обещай мне одну вещь, – сказала я.

– Какую?

– Обещай, что не будешь рисковать зря. Поклянись, что ты едешь в Чечню, потому что должен, а не потому, что хочешь свести счёты с жизнью.

– Клянусь.

Он произнёс это так серьёзно, что у меня не осталось никаких сомнений. Неожиданно я заплакала. Мы обнялись. «Обещай мне, что не погибнешь. Пожалуйста, обещай...» – шептала я, зарывшись лицом в его волосы. Димка ласково вытер мои слёзы и тихо сказал: «Понимаешь, я *должен* это сделать. Отправляют всех – Антона, Мишку, даже Ивана Серафимовича – независимо от возраста. Нельзя остаться...» Но я чувствовала, что за его словами кроется ещё одна фраза: «Я хочу *забыть*. Хотя бы на эти три месяца». Нет, Димка никогда бы так не сказал. Хотя подумал – наверняка.

Послезавтра он сядет в поезд и поедет туда, где рвутся снаряды и люди гибнут неизвестно за что. Я не понимаю, кому нужна эта война. И просто хочу спокойной жизни. Для себя, для родителей, для брата... И для своей страны. Ведь мы все этого заслужили.

16 ноября 1999 года

Конечно, я не могла не спросить Татьяну Мироновну, куда подевался наш Дмитрий Иванович так неожиданно и быстро. Мы с Олей как раз дежурили после уроков, класс был

пуст и чист, а вторая смена ещё не появилась. Мы «атаковали» классную с двух сторон: – Пожалуйста, расскажите нам...

Татьяна Мироновна сдалась почти без боя:

– Только никому, договорились? У Дмитрия Ивановича тяжело заболела жена. Рак. Они долго боролись с особенностями нашей медицины, но в итоге стало ясно, что лечить ее можно только в Москве. Причём за бешеные деньги. Дмитрий Иванович нашёл каких-то влиятельных знакомых в Министерстве образования, те договорились с клиникой, и в итоге буквально седьмого ноября им пришёл срочный вызов на операцию. Его жене предстоит почти год лечения. Детей у них нет, оставлять её в Москве одну Дмитрий Иванович не захотел. Так что с новой четверти он учитель истории в одной из московских школ. Министерство образования помогло ему перевестись и даже обеспечило комнатой в общежитии. Всё произошло очень быстро, откладывать было нельзя, вот он и уехал так внезапно, ни с кем не простившись.

Мы с Олей молчали. А что тут скажешь? Такой вот поворот судьбы. Да, мне жаль, что так получилось. И я надеюсь, что там, в Москве, у Дмитрия Ивановича всё получится, а его жену спасут.

– Он очень не хотел уходить из школы, всё-таки проработал здесь пятнадцать лет. Но это лечение для них – единственное спасение.

Да, грустно. Но, в то же время, у них есть шанс, потому что жизнь нашего директора и его жены не перечёркнута, и хотя путь к выздоровлению непростой, он всё-таки есть. Гораздо хуже, когда этого пути нет и нет ни одного шанса на спасение. Как с Машей. Как с сотнями мальчишек, которые едут в Чечню подставлять себя под пули.

Мне так страшно за брата... Страшнее, чем когда я увидела в его руках пистолет. Ведь тогда я была уверена, что смогу вмешаться, а теперь точно знаю, что не сумею повлиять ни на что.

Ольга Викторовна сегодня сказала мне, что ей очень понравился мой реферат и она отправляет его на областной конкурс, по итогам которого будет конференция. Результаты станут известны уже через неделю. А я даже не волнуюсь – мне всё равно. Зато стоит вспомнить про брата – и сердце разом ухает куда-то и стучит, стучит, стучит, так быстро, что даже больно дышать...

17 ноября 1999 года

Сегодня провожали Димку. Мама и папа до последнего момента уговаривали его не ехать. Отец подключил какие-то свои связи, с Димой много кто «беседовал», но брат остался непреклонен. Конечно, родители ужасно расстроены. Мама даже плакала. Я тоже. Да, я верю, что всё должно как-то наладиться, что мой Димка вернётся живым и здоровым, что в нашем доме когда-нибудь воцарится покой. Но не сегодня. И не завтра...

Три месяца... Так долго! И стрелки часов, кажется, замирают, когда я думаю о том, что три месяца больше, чем девяносто дней, потому что эти девяносто дней помножены на ежеминутное ожидание... Письма, звонка, *чуда*? Димка уже уезжал в долгие командировки, но в *такие* – никогда. За всю мою жизнь мы расставались максимум на три недели. Как же я буду без него?

Помню, несколько месяцев назад, когда жизнь казалась мне простой и скучной, по утрам, лёжа в постели, я говорила себе: «Всё это сон. Это не по-настоящему. По-настоящему будет сегодня». Мне кажется, это «по-настоящему» наступило. И оно, к сожалению, очень похоже на фильм, который интересно смотреть и в котором страшно сниматься.

18 ноября 1999 года

На улице снег. Колючие снежинки больно бьют по глазам. Стёпа дал мне кассету Виктора Цоя, и я уже десятый раз слушаю «Звезду по имени Солнце». Потом снова включу «Хоакина Мурьету». От этой рок-оперы я просто сошла с ума. Знаешь, когда слушала в первый раз, мне было ужасно тяжело. Особенно после сцены «Нападение». Страшно. Мерзко. И больно. Недельку я вообще не могла спокойно вспоминать об этой рок-опере. Сейчас слушаю только «избранные мелодии» – особенно «Арию Звезды». Как бы мне хотелось однажды стать чьей-то Звездой. И найти свою...

А на улице снег. Скорей бы уж настоящая зима... И снег хлопьями – большими, пушистыми, воздушными...

20 ноября 1999 года

Сегодня у Наташи день рождения. Как всегда в этот день, вечером мы с Олей пришли к ней на ужин. Общались с Наташиными родителями и старшей сестрой и ели самый вкусный в мире «наполеон», который печёт Наташина мама... У них очень тёплая семья, но... совсем другая, не такая, как моя.

За столом обсуждали, кто куда будет поступать. Оля сказала, что она собирается в Институт культуры, где уже учится на первом курсе Дик. С жаром говорила об их будущем, рассказывала о танцевальных конкурсах, в которых они участвуют. Я говорила что-то о поступлении на юрфак, заикнувшись, правда, что допускаю возможность альтернативы.

– Вот видишь, Ната, девочки уже определились, – вздохнула Анна Александровна, Наташкина мама. – Только ты у нас всё никак не решишься.

– Мама, у меня ещё есть время, – сказала Наташа. И села за пианино.

Как она играла! Как пела – сначала одна, потом на два голоса с сестрой! Я восхищаюсь Наташиными музыкальными способностями – ведь нам свойственно восхищаться теми качествами и талантами, которых нет у нас самих. Да, я играю на фортепиано, иногда даже неплохо. Люблю петь, но при этом, если никто не аккомпанирует мне, не попадаю верно и в две ноты (за что, надо сказать, Димка чуть ли не ежедневно поднимает меня на смех). А уж подобрать мелодию и сыграть её... Нет, это выше моих возможностей.

– Наташка, с твоим талантом тебе точно нужно музыкой заниматься! – воскликнула я в порыве восторга, когда Наташа закончила «Застольную песнь» Бетховена.

– Да что ты, Марина, – всплеснула руками Наташина мама. – Музыкой на жизнь не зарабатываешь...

И от её слов мне стало грустно.

Да, наверное, она права. Музыкой невозможно заработать на жизнь. Как невозможно заработать сочинением стихов, рассказов и сказок. Нужно твёрдо стоять на ногах и получить какую-то реальную профессию: юриста, экономиста, инженера, врача... Но что делать, если душа лежит к пению или к написанию рассказов? Ну ладно, мои способности неочевидны. Сотни девчонок более или менее удачно занимаются «графоманией». Но ведь Наташкин талант не заметить невозможно! Что же теперь, она должна зарыть его в землю ради сомнительного «счастья» стать инженером? Чтобы потом всю жизнь заниматься нелюбимым делом? И тихонько ненавидеть себя за то, что в семнадцать лет не хватило смелости сделать выбор и отстоять его перед собственными родителями?..

Нет, я не знаю, как правильно. Если бы знала – не писала бы об этом. Но мне кажется, что человек вправе заниматься тем, что ему действительно нравится. Просто для того, чтобы быть счастливым...

Мы сидели потом в Наташиной комнате втроём: Оля, Ната и я. Рассматривали Наташину коллекцию дисков, обсуждали разных исполнителей, и вдруг Наташа сказала: «Знаете, я бы хотела поступать в музыкальное училище. А потом – в консерваторию. Я очень хочу заниматься музыкой...»

И на её ресницах блеснули слезинки. Мы с Олей замерли. Обняли её с двух сторон и тихо сидели так несколько минут. Потому что сказать было нечего...

21 ноября 1999 года

*«Звёзды – это ночь и одиночество,
Добрая надежда и укор,
Для одних – неожиданное пророчество,
Для других – пустой небесный сор...
Ты исчезнешь, а моё сияние
В новые глаза перетечёт,
Звёзды – это вечное свидание
С теми, кто ушёл и кто придёт...»³*

Эта мелодия звучит в моей голове уже несколько дней. Прекрасные слова, положенные на прекрасную музыку...

Мне грустно.

23 ноября 1999 года

Плохо без Димки... Я очень по нему соскучилась. Сейчас мы знаем только, что его отряд добрался до места назначения. Он не может даже позвонить – неоткуда. А так хочется снова услышать его голос. Неужели ещё и недели не прошло? Я совсем не умею ждать...

Знаешь, я решительно не понимаю, что происходит со Стёпой. В классе он такой весёлый, задорный, активный, может даже что-нибудь натворить. Но когда мы вдвоём – его словно подменяют. Он сразу становится таким тихим и скромным, что я просто не знаю, как себя вести. Когда Оля или Наташка не идут со мной из школы, Стёпа провожает меня до дома. Мы разговариваем. И всё. После того свидания он как будто бы стал меня бояться. Не понимаю, в чём дело...

25 ноября 1999 года

Мой доклад по истории взяли на конференцию. Выступать буду в январе. Не хочется совершенно. Во-первых, я же не собираюсь поступать на исторический! Во-вторых, просто не хочу. Мне надоело делать уроки до часу ночи, беспрекословно выполнять указания учителей и сидеть в библиотеках. Надоело! И новый директор меня просто бесит. Он уже раз десять вызывал меня к себе. То нужно устроить собрание старост, то решить какие-то организационные вопросы... Но самое главное – он всё время твердит о чести школы, о престиже, о статусе и о том, что, как отличница и будущая медалистка, я просто обязана подтверждать свои знания на всевозможных конференциях и олимпиадах. Вчера меня отправляли на районную олимпиаду по химии. Отбрыкивалась, как могла. Почему я? Химию – терпеть

³ Ария Звезды из рок-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», либретто П.Грушко

не могу, для поступления глубокие познания в этой области мне не нужны. Так с какой стати я буду тратить время на подготовку к олимпиаде? Ведь есть биолого-химический класс! К счастью, за меня вступилась Татьяна Мироновна. Она сказала Рудольфу Петровичу, что мне нужно заниматься другими предметами и что я просто не в силах выступать на всех мероприятиях. На этот раз её послушали...

27 ноября 1999 года

Дневничок, совсем я тебя забросила. Некогда: то одно, то другое. Уроки замучили...

От брата нет никаких вестей. Мы с мамой успокаиваем друг друга разговорами о том, что там нет телефона, что письма идут очень долго и что мы услышим о Димке как минимум ещё дней через десять. Папа хмуро молчит. Но я вижу, что и он очень переживает. Я зачёркиваю дни в календаре. Как же много их осталось!..

...Наташа снова просила меня написать письмо Петровскому. У нас с ней был длинный разговор, я пыталась ей объяснить, что совершенно не представляю, о чём писать, и что эта идея с письмом не приведёт ни к чему хорошему. Наташа меня и слушать не хотела. В итоге сегодня после уроков мы пришли к ней домой, и я села сочинять. Наташа вроде бы осталась довольна (ну да, если учесть, что текст переписывали четыре раза!) Побежала перепечатывать на компьютере. Как мне всё это не нравится...

30 ноября 1999 года

Утром в школе случилось нечто ужасное. Когда мы на литературе включили телевизор, чтобы посмотреть учебный фильм о Блоке, я случайно услышала кусочек из сводки местных новостей. «Несколько наших земляков оказались в группе, попавшей в чеченский плен. Как стало известно нашей программе, среди них есть молодые ребята, отправленные в Чечню только две недели назад. Мы попросили прокомментировать ситуацию...» Дальше я не слышала. Мне показалось, что пол подо мной зашатался, а стены неожиданно ударили какой-то странной, звенящей тяжестью. Не знаю, что это было, — я выбежала из класса и помчалась куда-то вниз по лестнице. Что было потом — не помню. Неожиданно я почувствовала, что сижу прямо на ступеньке, укрывшись чьим-то пиджаком. Кто-то ласково обнимал меня за плечи. Я почти ничего не понимала и, словно издалека, слышала чей-то голос, уговаривавший меня подняться. Я даже не плакала. Просто сидела, тупо уставившись в одну точку. «Димка... Димка...» — стучало в голове. «Несколько наших земляков попали в чеченский плен...»

— Пожалуйста, встань, — сказал кто-то, причём, судя по всему, уже не в первый раз. — Я отведу тебя к врачу.

— Зачем к врачу? — Я подняла голову. Рядом стоял Стёпа. На плечах у меня был его коричневый пиджак.

Вместо ответа Стёпа с силой поднял меня на ноги.

— Что случилось? На тебя так подействовали новости?

Это была последняя капля. Пол и ступеньки снова зашатались, и я провалилась в темноту...

Когда темнота рассеялась, я увидела, что лежу на кушетке в кабинете школьного врача. Надо мной склонилась Маргарита Петровна, наша медсестра. Она помогла мне подняться и дала успокоительное. У меня закружилась голова, и я снова легла. Такого со мной ещё никогда не было.

Маргарита Петровна села на стул возле кушетки, смирив мне давление, послушала сердце. Потом спросила:

– Что случилось, Марина? Может, расскажешь?

По её обеспокоенному лицу я поняла, что лучше сказать. Ведь она могла подумать всё что угодно. Говорить было тяжело. Неожиданно я разрыдалась.

– Мариночка, скажи честно, ты ведь не беременна? – Маргарита Петровна ласково гладила меня по голове. Абсурд полнейший. Я бы рассмеялась, если б могла.

– Моего брата взяли в плен в Чечне. В новостях передали. А месяц назад погибла его невеста. За три дня до свадьбы. – Я с трудом совладала с собой. Успокоительное начинало действовать. Маргарита Петровна покачала головой и вздохнула. Она держала меня за руку, и я чувствовала, что это значит больше, чем любые слова.

– Поспи немного. На уроки не ходи. После занятий я попрошу кого-нибудь проводить тебя до дому.

Я спала чуть меньше двух часов – как раз до конца уроков. Кажется, меня разбудил очередной звонок. Сначала я никак не могла понять, где я. А когда поняла, увидела, что на стуле рядом с кушеткой сидит Стёпа.

– Как ты? – шёпотом спросил он.

– Ничего, спасибо, – прошептала я в ответ. Мне стало чуть-чуть стыдно, что он видит меня в таком состоянии. – А ты чего здесь сидишь?

– Жду, когда ты проснёшься, чтобы отвести тебя домой.

Маргариты Петровны в кабинете не было. Я стала подниматься, Стёпа тоже вскочил.

– Я подожду за дверью.

...Пока я собиралась, вернулась Маргарита Петровна. Я спросила её, как я оказалась в медкабинете: этот момент начисто стёрся из моей памяти. Выяснилось, что меня, полубесчувственную, привёл, а точнее, принёс Шаманов. Маргарита Петровна хотела найти моих друзей, но их не было в школе. Конечно, ведь Наталья простыла, а Оля уехала на фестиваль балльных танцев.

Потом Стёпа проводил меня до дверей квартиры. Я поблагодарила его и снова расплакалась. И тут он меня обнял. Мы стояли на лестничной клетке, и я плакала у него на плече.

– Только не думай, что я плакса. Просто...

– Я всё знаю. Маргарита Петровна рассказала. Я попробую выяснить что-нибудь о твоём брате. Может быть, это не он попал в плен.

– Спасибо тебе, – тихо сказала я. – За всё.

– Так говорят, когда расстаются. А я не хочу с тобой расставаться.

Я смутилась. Мы попрощались.

Мама и папа пришли с работы только час назад. За день они обзвонили немыслимое количество людей. Точно известно пока только одно – Димка и ещё несколько человек пропали без вести. Они уехали на какое-то задание и до сих пор не вернулись. Вероятнее всего, попали в плен. Мама плачет и курит уже вторую пачку сигарет. Папа собирает вещи: завтра он вылетает в Грозный. Не представляю, что теперь будет. Думать страшно. А не думать невозможно...

1 декабря 1999 года

В Грозный папа не уехал. В шесть часов утра зазвонил телефон. Папа, уснувший на кухне, прямо над чашкой кофе, опрокидывая стулья, побежал в коридор. Мы с мамой дремали на диванчике в гостиной и обе буквально подскочили от резкой телефонной трели.

– Да, – закричал папа в трубку. – Слушаю вас!

На другом конце провода очень долго что-то говорили. Папа молчал. Мы с мамой стояли в коридоре, напряжённо пытаясь услышать хоть что-нибудь.

– Слава Богу! – вырвалось вдруг у папы. Он медленно сел на тумбочку и продолжал слушать, что говорила трубка. – Спасибо вам! Огромное спасибо! Когда мы сможем его услышать? Хорошо, будем ждать! Конечно, конечно... Спасибо огромное...

Послышались короткие гудки. С посветлевшим лицом папа повернулся к нам и порывисто обнял маму и меня.

– Всё в порядке, он жив!

Бог мой, я никогда не думала, что эта фраза, которую так часто говорят в мелодрамах, может иметь такое сильное действие! Он ЖИВ! Жив! Жив...

Оказалось, что это звонил сам командующий Объединённой группировкой войск. Уже вечером я поняла, что он какой-то дальний родственник Стёпы. А утром оставалось только удивляться, что командующий лично позвонил нам. Димка действительно чуть не попал в плен. Два дня скрывался в каких-то ущельях, спасая раненого товарища. Герой он, наш Димка...

Папе обещали, что Димке дадут возможность позвонить домой по спутниковому телефону. Я так этого жду...

6 декабря 1999 года

Вчера в школе сказали, что я выиграла тот конкурс по английскому. Представляешь, дневничок? Я не в состоянии поверить. Жутко приятно, но...

Я не могу поехать. Как можно бросить маму и папу, которые и так сходят с ума из-за Димки, и уехать в другую страну? Ведь тогда они будут нервничать ещё и из-за меня. Я просто не имею права оставить их одних в такой момент.

Когда мы думали, что брат попал в плен, мама плакала. Долго, навзрыд. Можно вынести всё что угодно, но не мамины слёзы и собственное бессилие – ведь ничего нельзя сделать, чтобы она снова была счастлива. Только тогда я поняла, как сильно она страдает...

С одной стороны, иногда я сержусь на Димку, что он поехал в эту страшную командировку, когда можно было использовать связи и остаться дома. С другой – вижу, что не поехать он просто не мог... Как страшно вертит нами жизнь!..

Весь вечер мы обсуждали с родителями, что делать. Папа и мама сказали, что я могу отправиться в Штаты, если хочу. «В конце концов, это твоя победа, – говорили они. – И только ты сама можешь решить, нужно ли тебе ехать...» И я решила, что не поеду. Мне надо готовиться к экзаменам и поступлению, а в Штатах это будет невозможно. И доклад на конференции – кто его прочитает за меня? И много всего другого... Но главное – я не имею права оставить маму и папу одних. Когда-нибудь я уеду из дома. Но не так...

И ещё... Я не хочу сейчас терять Стёпу. Не хочу, не могу, не буду.

В общем, мне пришлось сказать в школе, что я отказываюсь от поездки в Америку. Директор и завучи были в шоке. Сначала они попытались выяснить, в чём дело. Когда я объяснила им причины (естественно, кроме самой важной), меня стали уговаривать изменить решение. Я ещё раз твёрдо сказала, что не смогу поехать ни при каких обстоятельствах. Тогда одна из завучей стала на меня кричать. Да как! Кажется, в школе тряслись стены.

– Какое право ты имеешь отказываться от того, что досталось школе? – разорвалась она. – Это же удар по нашему престижу!

У меня просто не было сил её слушать. Что я могла ответить? Они хотели, чтобы победа в конкурсе досталась школе. И, вуаля, поездку выиграли! Какая теперь разница, почему я не хочу ехать? Во мне всё кипело от гнева, но возразить я ничего не могла. Боялась, наверное. Так стыдно. Но – самое страшное – ведь все, кто был в кабинете, прекрасно понимали, что кричать ТАК даже на последнего двоечника – нельзя... Что плохого я сделала? Но никто не сказал ни слова в мою защиту. Все молча стояли и слушали. А мне так хотелось крикнуть

ей в ответ что-нибудь злое! Наконец меня отпустили. Навстречу шла Маргарита Петровна. Должно быть, выглядела я неважно, потому что она взяла меня за руку и отвела в медкабинет, пить валерьянку...

Я рассказала ей всё. Она покачала головой:

– Не обращай на них внимания. Когда-нибудь ты забудешь об этом. И вообще, знаешь, я бы на твоём месте поступила бы точно так же. Ты сделала правильный выбор.

Мне оставалось только сказать спасибо...

Девчонки и Стёпа тоже считают, что я права. Всё-таки я не одна...

А полчаса назад звонил Димка! Боже мой, мы были так рады! Пять минут пролетели как один миг. Он жив, он не ранен – это главное... А до его приезда ещё так нечеловечески далеко!

9 декабря 1999 года

Волнение в школе по поводу моего отказа от поездки постепенно улеглось. Спасибо Маргарите Петровне и нашей классной, ведь наверняка благодаря их стараниям учителя-англичане оставили меня в покое... Впрочем, сейчас меня куда больше беспокоит Наталья: вот уже несколько дней она сама не своя. Мне кажется, это из-за Петровского. Вчера Ната обмолвилась, что у неё появились какие-то знакомые в театре, но, сколько мы с Олей ни бились – ничего толком не рассказала. Очень боюсь, как бы чего не случилось...

11 декабря 1999 года

Двенадцать ночи. Наташа только что ушла домой. Мы просидели вместе весь день. Я даже хотела, чтобы она осталась ночевать, но... Ната убежала. Впрочем, иначе у неё были бы проблемы с родителями. Ведь прошлой ночью она тоже якобы была у меня.

Непонятности начались вчера вечером. Часов в десять позвонила Наталья. Меня удивил её голос: спокойная и рассудительная Наташа редко бывает такой взвинченной.

– Марин, если тебе позвонят мои родители, скажи, пожалуйста, что я останусь у тебя, – попросила она.

Просьба звучала очень необычно. Никогда в жизни Наташа ни о чём подобном меня не просила.

– Где ты? – забеспокоилась я. – Тебе помощь не нужна?

Наташка понизила голос до такой степени, что почти ничего нельзя было разобрать:

– Я с Петровским.

– Как? – вырвалось у меня.

– Я тебе завтра всё расскажу. Предупреди Олю.

– Когда ты придёшь?

– Не знаю. Я ещё позвоню.

Я позвонила Оле. Та была удивлена не меньше, чем я.

Наташиным родителям пришлось сказать, что мы делаем срочное задание по геометрии. И, скорее всего, просидим всю ночь и весь завтрашний день. Учитывая, что мы учимся в разных классах, это звучало немного неубедительно... Самое ужасное, что моё враньё в трубку слышала мама. Она покачала головой и сказала: «А если с Наташей что-то случится? Ты понимаешь, что тогда будет?» Мама только подлила масла в огонь. Я ужасно волновалась и за всю ночь не смогла уснуть ни на минуту.

Наталья позвонила утром, в десять часов. В пол-одиннадцатого они с Олей уже были у меня. В двенадцать мама с папой ушли в гости, и мы с девчонками уселись пить чай на

кухне. Первые полчаса Наташа молчала. Её трясло как в лихорадке. Только после нескольких чашек горячего чая Ната немного пришла в себя.

– Я не смогла, – неожиданно сказала она, глядя вперёд невидящими глазами. – Мне оставалось совсем чуть-чуть, но я так и не смогла.

– Да расскажи ты, наконец, что случилось! – не выдержала Оля.

– Я не смогла переспать с ним! – крикнула Наташа и расплакалась. Мы с Олей оцепенели.

Ната плакала. Я достала из аптечки пузырёк с валерьянкой. У меня дрожали колени. Наташа всхлипнула и прошептала: «Мне не надо». «Я – себе», – брякнула я. Ната подняла на меня воспалённые от слёз глаза и неожиданно расхохоталась. Смех был истерический, но я почему-то почувствовала облегчение и тоже засмеялась. Глядя на нас, заулыбалась и Оля. Когда приступ хохота прошёл, Наташа смогла рассказать всё по порядку. Оказывается, недавно ей позвонила знакомая по музыкальной школе, которая теперь подрабатывает в театре. С её помощью Наташа познакомилась с Анной Ярмоловой – самой молодой солисткой. Ярмолова оказалась в жизни очень милой и приятной (так считает Ната). Она и передала Петровскому Наташино письмо (то самое!), честно предупредив, что сомневается в положительном результате. Вчера после спектакля Анна проводила Наташу к нему в гримёрную. Ната ужасно нервничала. Петровский оценивающе оглядел её с ног до головы и предложил зайти к нему домой на чай. «У меня хватило ума отказаться», – всхлипнула Наталья. Он пожал плечами, поправил усики и сказал: «Ну прямо не знаю, что и делать... Пойдёмте тогда в “Артс”!» Наташа ушам своим не поверила. «Артс»! Это же самый что ни на есть богемный ресторан в городе! Они просидели там до трёх часов ночи. Потом Петровский всё-таки уговорил Наташу продолжить знакомство у него дома. У неё не хватило сил отказаться второй раз. Едва они вошли в квартиру, Петровский стал делать разные неприятные намёки. Наташа, слегка опьяневшая от впечатлений, никак на них не отвечала. Тогда Петровский принялся её целовать, потом подхватил на руки и отнёс на большую софу. «Когда я почувствовала, что его руки расстёгивают на мне кофточку... мне стало дурно, – произнесла Наташа. – Хотелось, чтобы *это* случилось, и в то же время я безумно боялась... В общем, я не смогла. Высвободилась из его объятий, схватила своё пальто и убежала. Наверное, он подумал, что я ненормальная!» До утра Наташа проплакала, сидя на качелях в каком-то дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.